

Уилли РАССЕЛ

«ВОСПИТАНИЕ РИТЫ»

комедия в двух действиях

перевод с английского Юрия Фридштейна

Современный английский драматург Уилли Рассел назвал свою пьесу «Воспитание Риты» комедией – как некогда называл свои пьесы Чехов. Понятно, что в слово «комедия» Чехов вкладывал совершенно особый, не традиционный, собственный смысл, и смешного в его пьесах, прямо скажем, не слишком много. Слова дяди Вани «пропала жизнь» могут стать эпиграфом практически к каждой из них. И мне кажется, именно эти слова мог бы повторить вслед за чеховским героем Фрэнк из пьесы Рассела – университетский преподаватель-интеллектуал, у которого, однако, за томиками Элиота и Блейка спрятана на книжных полках неперенная бутылка виски. Рассел – по происхождению неинтеллигент (как, впрочем, и Чехов) – замечательно точно угадал эту чисто интеллигентскую рефлексия и смутное, полусоздаваемое чувство неудовлетворенности, которое подтачивает мозг, делая все существование полупризрачным, полуреальным. Мотив «Пигмалиона», использованный Расселом, нарушает, однако, атмосферу «чеховской меланхолии», и в ней возгорается искра, дающая жизни героев новый импульс. При этом автору пьесы удается снять некоторую сентиментальность, быть может, чрезмерную идилличность с той интерпретации сюжета о Пигмалионе и Галатее, которую предложил когда-то Шоу: у Рассела все более жестко, более трезво, и – как ни странно – здесь больше правды, правды быта и правды человеческого духа.

Уилли Рассел – в отличие от того же Шоу и от английских драматургов – своих современников (Джона Осборна, Эдварда Бонда) – никогда не был «бунтарем», потому и вхождение его в театр Великобритании, и постепенное обретение известности не заключали в себе элемента сенсации. Рассел по природе своей, складу ума, ощущению жизни не является «ниспровергателем»: напротив, он куда больше склонен к утверждению вечных, неколебимых основ, не зависящих ни от политических настроений и перемен, ни от «моды», – словом, всего временного и преходящего.

Уилли РАССЕЛ родился в Ливерпуле в 1947 году. Его первая пьеса-триптих «Слепой из Ливерпуля» была показана на фестивале в Эдинбурге в 1972 году. А шестью годами позже в ливерпульском «Плейхаузе», где Рассел получил свои первые театральные впечатления, была поставлена одна из лучших его пьес «Парни и куколки», центральная героиня которой, Линда, стала в каком-то смысле «прообразом» Риты: уже тогда начал драматург «нащупывать» этот характер – простой девушки, глубоко, хотя и полусознанно чувствующей неполноту, неполноценность той жизни, которой живет она сама, ее семья и друзья, испытывающая желание вырваться, бежать, разорвать путы – не только сословные, «классовые», но, что много сложнее и трудней, – психологические, преодолеть вечную «вялость ума», тоску повседневного существования... По-разному, в разных жанрах и разных сюжетах драматург варьировал этот мотив. И наиболее совершенной «вариацией на тему» оказалась именно пьеса «Воспитание Риты», поставленная впервые в 1980 году на малой сцене Королевского Шекспировского театра в Лондоне, в тот же сезон перенесенная на сцену вест-эндского театра «Пикадилли» (это – свидетельство успеха!), получившая приз Общества театров Вест-Энда за лучшую комедию (!), а три года спустя экранизированная режиссером Льюисом Гилбертом (в фильме снялись известные английские актеры Джулия Уолтерс и Майкл Кейн).

Примечательно: имя Уилли Рассела даже в английской критике крайне редко фигурирует в той достаточно постоянной «обойме» драматургов, что обычно перечисляются, когда речь заходит о современном театре Великобритании. Еще более любопытно, оно никогда не упоминалось в нашем (советском, российском) театро-литературоведении. Причина, вероятно, кроется в том, что Рассел и не вписывается ни в какую «обойму», не принадлежит ни к какой из многочисленных «волн» английской драматургии, сменявших одна другую за последние десятилетия. Уилли Рассел – драматург, стоящий особняком, занимающий со спокойным достоинством свое собственное место, определяемое и его несомненным талантом, и зрелым мастерством, и чертами его человеческой личности.

Юрий Фридштейн

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ф Р Э Н К.

Р И Т А.

Действие происходит в наши дни в одном из университетов на севере Англии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

Комната на первом этаже университетского здания в викторианском стиле. Слева большое окно в эркере, рядом – письменный стол. Еще один стол, заваленный книгами и рукописями, расположен в центре, вокруг – книжные полки. На стене – старинная литография, изображающая обнаженных библейских персонажей.

Когда занавес открывается, мы видим Фрэнка (ему за пятьдесят) около двери, ведущей в коридор, с пустым стаканом в руке. Он подходит к полкам в правой части его кабинета и начинает рыться среди книг.

ФРЭНК. Где же, черт побери? За Элиотом?

Вынимает несколько томов и заглядывает за них.

Нет.

Ставит книги на место.

«Э».

На секунду задумывается.

«Э», «э», «э»...

Внезапно вспоминает.

Да нет же, за Диккенсом.

Извлекает из-за книг бутылку виски. Подходит к маленькому столику рядом с дверью и наливает в стакан порядочную порцию.

Раздается телефонный звонок. Прежде чем взять трубку, ФРЭНК успевает основательно глотнуть, и хотя речь его звучит вполне отчетливо, по голосу чувствуется, что он сильно пьян.

Слушаю... Ну конечно, я еще здесь... Ну потому, что я жду эту девицу, которая собирается поступать в Открытый университет, я же тебе говорил... Ну да, разумеется, дорогая, я предупредил тебя, поэтому тебе вовсе не нужно было разогревать обед. Потому что я тебе сказал, я точно помню, что я тебе сказал, что приду сегодня поздно... Да. Да, очень может быть, что потом я пойду в паб. Мне обязательно нужно будет после ее визита пойти в паб, чтобы постараться забыть об очередной молодой идиотке, пытающейся постичь тайны Генри Джеймса или еще какого-нибудь писателя, которого нам придется изучать в процессе этого курса... О, господи, для чего я за это взялся?.. Ну да... Да, наверное, для того, чтобы было чем платить за выпивку... Ну и что же там у тебя сгорело?.. Ну, ладно, оставь все как есть в духовке... Послушай, если ты хочешь, чтобы я непременно испытал чувство ужасной вины перед тобой только потому, что у тебя пригорел обед, будь добра, приготовь что-нибудь другое, а не баранину с тем, что ты называешь гарниром... А потому, дорогая моя, что я как раз очень люблю, когда баранина пережарена, что же касается всего остального, то его вообще нельзя сжечь... Оно не сгорит, дорогуша моя, даже если подвергнуть его кремации... Ты хочешь знать, твердо ли я решил пойти в паб? Для того чтобы отправиться в паб, мне нет необходимости принимать никаких «твердых решений»...

Раздается стук в дверь.

Послушай, мне надо идти... Там кто-то стучит... Да, да, разумеется, я обещаю... Только две кружечки... Ну, может быть, четыре...

В дверь снова стучат.

(Тому, кто стоит за дверью). Войдите!

Продолжает телефонный разговор.

Да... Обязательно... Да... Пока...

Кладет трубку.

Вот именно, можешь сдохнуть, можешь сама залезть в свою духовку с головой.

К р и ч и т .

Ну, входите же!

Дверь распахивается и входит РИТА.

РИТА (с порога). Ну что, входить что ли? Все эта чертова поганая ручка у вашей двери. Пора бы ее починить!

Входит в комнату.

ФРЭНК (глядя на нее изумленно и несколько смущенно). Ну, я давно собираюсь...

РИТА (подходя к стулу рядом с письменным столом и швыряя на него сумку). Знаете, собираться можно долго, вот только толку от этого немного. В один прекрасный день, когда вы заорете «Войдите», она вообще выйдет из строя, и уже войти не сможет никто и никогда. А вы не сможете выйти.

ФРЭНК продолжает с изумлением смотреть на Риту.

ФРЭНК. Вы...

РИТА. Ну я, что дальше?

ФРЭНК. Прошу прощения...

РИТА. Что еще?

ФРЭНК (перебирая бумаги у себя на столе). Так вы...

РИТА. Ну что я?

ФРЭНК на минуту отрывает глаза от бумаг, затем снова погружается в поиски. РИТА снимает пальто и вешает его на крючок у двери.

(Замечая висящую на стене литографию). А картинка ничего, что скажете?

ФРЭНК подходит к ней ближе.

ФРЭНК. Хм... ну да, мне тоже так кажется, что ничего...

РИТА (продолжая рассматривать литографию). Жутко эротическая.

ФРЭНК (отрываясь от бумаг). Честно говоря, я, наверное, уже лет десять не смотрел на нее, но, полагаю, что вы правы.

РИТА. Да тут и полагать нечего. Только взгляните на эти сиськи.

ФРЭНК покашливает и вновь погружается в изучение документов.

А это так надо, чтобы она была эротической? Ну, то есть, когда он ее рисовал, он что, хотел, чтобы все на нее пялились?

ФРЭНК. Ну, может, и так.

РИТА. Бьюсь об заклад, что он именно этого и добивался. Если рисуешь такие картинки, то не для того же, чтобы люди любовались, как положена краска, что, разве не так?

ФРЭНК *(со смехом)*. Ну, может, и так.

РИТА. Это ведь, наверное, тоже считалось в те времена порнографией, точно ведь? Что-то типа «Только для мужчин», а? Но тогда им наверняка надо было делать вид, что это никакая не эротика, потому они и приплели сюда Библию, верно? А вам она кажется эротической?

ФРЭНК *(глядя на литографию)*. Мне она кажется прекрасной.

РИТА. Я не спрашиваю вас о том, кажется ли она вам прекрасной.

ФРЭНК. Когда я говорю, что считаю эту картину прекрасной, я имею в виду самые разные ощущения, которые она у меня вызывает, в том числе, и эротическое тоже.

РИТА (осматривая стол Фрэнка). А у вас, что, много таких, как я?

ФРЭНК. Не понял?

РИТА. Ну, много у вас таких студентов, кроме меня?

ФРЭНК. Да нет, не так чтобы много...

РИТА. Я просто обалдела, когда узнала, что меня приняли. Будь это обычный университет, им такое и в голову бы не пришло. Но Открытый университет – это совсем другое дело, верно?

ФРЭНК. Чу, вообще то у меня в этом смысле не многим больше опыта, чем у вас. Я в первый раз взялся за работу для Открытого университета.

РИТА. Небось денежки понадобились?

ФРЭНК. Ну, что-то в этом роде.

РИТА. Да, с финансами сейчас у всех туговато. Инфляция и все такое прочее. Так вы вообще работаете в обычном университете? С настоящими студентами? А Открытый университет – это вроде бы попроще, так что ли?

ФРЭНК. Ну, в обычном университете студенты получают более всесторонние знания.

РИТА (рассматривая книги, стоящие на полках). И еще ученые степени, годные лишь для посудомоек.

ФРЭНК. Не желаете ли присесть?

РИТА. Ни малейшего желания! Курить у вас можно?

Подходит к своей сумке и начинает в ней рыться.

ФРЭНК. Вы имеете в виду табак?

РИТА. Ну да.

Издает смешок.

Это что, шутка?

Достает из сумки пачку сигарет и зажигалку.

Не желаете?

Вынимает две сигареты и швыряет пачку на стол Фрэнка.

ФРЭНК (после некоторой паузы). Не откажусь.

РИТА. Ну так за чем дело стало?

ФРЭНК (вновь после некоторой паузы). Вообще-то я не курю. Я дал слово.

РИТА. Да ладно, я никому не скажу.

ФРЭНК. Обещаете?

Пока ФРЭНК идет к столу, чтобы взять сигарету, РИТА перекладывает ее так, чтобы он не мог до нее дотянуться.

РИТА (салютуя по-скаутски). Клянусь!

Протягивает ему сигарету.

Ненавижу курить в одиночестве. А сейчас все как нарочно с этим завязали. Рака видите ли боятся.

ФРЭНК посматривает на сигарету с некоторым сомнением.

Да они просто трусят.

ФРЭНК. Думаете?

РИТА. Болезни и смерть надо встречать с открытым забралом. Я читала об этом в одном стихотворении...

ФРЭНК. Наверное, у Дилана Томаса...

РИТА. Нет. Это был Роджер Макгоу. В нем говорилось об одном старике, который сбегает из больницы, напивается и, стоя посреди улицы, орет во всю глотку, вызывая смерть на бой. Здорово написано.

ФРЭНК. Куда. Впрочем, боюсь, мне не приходилось читать этого стихотворения.

РИТА. Так я принесу вам книжку – вот увидите, потрясная.

ФРЭНК. Большое спасибо.

РИТА. Хотя, может, вам и не понравится.

ФРЭНК. Ну почему же?

РИТА. Это такие стихи, в которых все очень понятно.

ФРЭНК. А, ясно.

РИТА разглядывает комнату.

Разрешите предложить вам что-нибудь выпить?

РИТА. А что именно?

ФРЭНК. Виски?

РИТА (подходя к книжным полкам в правом углу сцены). Знаете, с этим надо быть поосторожнее – убивает мозговые клетки.

ФРЭНК. Так что, выпьете стаканчик?

Встает и подходит к маленькому столику.

РИТА. Ну, давайте. Может, с помощью виски у меня и мозги отыщутся.

ФРЭНК (наливая виски). Содовой добавить?

РИТА (разглядывая содержимое книжных полок). Можно.

Снимает с полки роман «Хоуардс-Энд».

Это про что?

ФРЭНК подходит к Рите, смотрит на название книги и возвращается к столику с напитками.

ФРЭНК. «Хоуардс-Энд» про что?

РИТА. Ну да. Наверное, какие-нибудь непристойности, а? Какой-то Э.Эм.Фостер.

ФРЭНК. Форстер.

РИТА. А, ну да. Так про что это?

ФРЭНК. А вы возьмите. Почитайте.

РИТА. Ладно, возьму.

Возвращается к столу.

Если я решу послать все эти курсы на фиг, я вышлю ее вам по почте.

ФРЭНК (протягивая ей стакан). Решите послать на фиг? А почему, собственно?

РИТА (ставит стакан на стол и опускает книгу к себе в сумку). А я все могу. Могу решить, что это была дурацкая затея.

ФРЭНК (глядя на нее). Ваше здоровье. Прошу прощения, но если вы уже сейчас готовы послать, как вы выражаетесь, на фиг, то зачем вообще было все это затевать?

РИТА. Потому что мне хотелось узнать.

ФРЭНК. И что же такое хотелось вам узнать?

РИТА. Все.

ФРЭНК. Все? Но это довольно много, не так ли? И с чего же вы собирались начать?

РИТА. Ну, я ведь теперь настоящая студентка, стало быть, мне придется сдавать экзамены, правильно?

ФРЭНК. В какой-то момент, несомненно.

РИТА. Но для этого мне нужно будет очень многому научиться, верно? Понимаете, это все равно как смотреть по телеку какой-нибудь балет или оперу, к примеру, и думать себе, что это какая-то мура, потому что ты ничегошеньки не понимаешь. И стало быть, выключаешь этот телек, злясь, какую чертову ерунду они крутят.

ФРЭНК. Это вы про себя?

РИТА. Ну конечно. Но теперь я хочу, чтобы все было иначе. Хочу понимать, что там происходит. Это ничего, что я иногда выражаюсь, вы не против?

ФРЭНК. Ни сколько.

РИТА. А вы любите выражаться?

ФРЭНК. Еще как. С утра до вечера.

РИТА. Ну да, образованные люди знают, что это только такие слова, и больше ничего. Только простые люди этого не понимают, поэтому мне и нравится иногда сказать что-нибудь этакое, позабористей. Например, у себя в парикмахерской – я там работаю – специально, погромче, на весь зал, – ну, что тут начинается...

ФРЭНК. Да, могу себе представить...

РИТА. А образованные – они даже внимания не обратят, верно ведь? Потому что знают, что это только слова и ничего больше. А эти самодовольные болваны, с которыми мне приходится иметь дело, корчат из себя особ королевской крови, потому, видите ли, что они не ругаются. Я ничего против не имею, только это ведь именно аристократы ругаются больше всех, как нам кажется? Целый день знай себе – посылают то на «х», то на «б». Что то вроде: «Будь так любезен, передай мне, пожалуйста, блюдо с этой с... куропаткой», что, не так? Им ведь не объяснишь, как это звучит на самом деле – они же не виноваты, что говорят такое, – просто ничего не могут с собой поделать.

Подходит к окну и выглядывает во двор.

Но иногда я их ненавижу. Интересно, а что это значит – чувствовать себя совсем свободным?

ФРЭНК. Ага. Вот это уже серьезный вопрос. Хотите еще выпить?

Подходит к маленькому столику.

РИТА (качая головой в знак отказа). Попади я к какому-нибудь другому преподавателю, ноги моей здесь бы уже не было.

ФРЭНК (наливая себе виски). Какой еще другой преподаватель?

РИТА. Ну, знаете, такой, кто не разрешал бы мне выражаться.

ФРЭНК. А откуда вы знали, что я разрешаю?

РИТА. А я и не знала. Я просто устроила вам тест.

ФРЭНК (возвращаясь к письменному столу и глядя на Риту). Понятно. А ведь вы достаточно часто выражаетесь, если я вас правильно понял?

РИТА. Точно. Особенно, когда волнуясь.

ФРЭНК (усаживаясь в крутящееся кресло). Ну, и какой же балл я у вас заслужил?

РИТА. Самый высокий. Десять из десяти возможных. Первое место в классе и золотую медаль. Мне нравится эта комната. И это окно. А вам оно нравится?

ФРЭНК. Что?

РИТА. Окно.

ФРЭНК. Честно говоря, я как-то об этом не задумывался. Просто иногда у меня возникает желание что-нибудь в него выбросить.

РИТА. Что, например?

ФРЭНК. Обычно какого-нибудь очередного студента.

РИТА (улыбаясь). Вы что, совсем ненормальный?

ФРЭНК. Очень может быть.

П а у з а .

РИТА. А разве вы не должны устроить мне прослушивание?

ФРЭНК (глядя ни стакан с виски). А что, в этом есть необходимость?

РИТА. Вы хотите сказать, что я и так слишком много болтаю? Я знаю, что иногда говорю лишнее. Но только не дома. Дома я вообще почти не разговариваю. Мне не часто выпадает случай поболтать с таким человеком, как вы. Вы не будете возражать, если я с вами немножко поболтаю?

ФРЭНК. А если бы возражал – это бы вас огорчило?

ОНА сначала отрицательно качает головой, но потом кивает.

Но я не возражаю.

Делает глоток из своего стакана.

РИТА. А что такое ассонанс?

ФРЭНК (от удивления, едва не уронив стакан). Что?

У л ы б а е т с я .

РИТА. Пожалуйста, не смейтесь надо мной.

ФРЭНК. Нет-нет. Хм, ассонанс. Это такой вид рифмы. Ну вот, к примеру... Вы знаете Йейтса?

РИТА. Это который держит винный кабачок?

ФРЭНК. Нет, поэта Йейтса.

РИТА. Поэта не знаю.

ФРЭНК. Понятно. Ну так вот, у этого самого Йейтса есть одно стихотворение, которое называется «Тот, кто мечтал о волшебной стране», где рифмуются «кольца» и «пальцы». Вот это и есть пример ассонанса.

РИТА. Понятно. То есть, это неправильная рифма.

ФРЭНК (глядя на нее и смеясь). Честно говоря, мне это никогда не приходило в голову. Но в общем-то вы правы, можно сказать, что это и в самом деле неправильная рифма – однако все дело в том, что поэт рифмует так вполне сознательно, стремясь достичь определенной цели.

РИТА. А...

П А У З А, во время которой она озирается глазами по комнате.

Столько всего на свете, о чем я и понятия не имею.

ФРЭНК. А вы хотите знать решительно все?

РИТА. Да, хочу.

ФРЭНК кивает головой, затем начинает просматривать ее документы.

ФРЭНК. Как вас зовут?

РИТА (идя к книжным полкам). Рита.

ФРЭНК (глядя в бумаги). Рита. А здесь написано миссис Эс. Уайт.

РИТА склоняется над Фрэнком, берет карандаш и зачеркивает «С».

РИТА. «Эс» означает Сьюзен. И так меня зовут на самом деле. Но я поменяла имя на Риту. Я больше не Сьюзен, я и сама себя называю Ритой, – знаете, из-за Риты Мей Браун.

ФРЭНК. Кого-кого?

РИТА. Ну, господи, Риты Мей Браун, той, которая написала «Рубиновые джунгли». Неужели не слышали? Классная книжка! Дать почитать?

ФРЭНК. А, ну да, разумеется.

РИТА. Ну и порядок.

РИТА извлекает из своей сумки экземпляр «Рубиновых джунглей» и протягивает его Фрэнку. Он берет книгу и начинает изучать рекламу на задней стороне супера.

А как вас зовут?

ФРЭНК. Фрэнк.

РИТА. Понятно. Это что, в честь Фрэнка Харриса?

ФРЭНК. Ни Харриса, никакого другого Фрэнка. Просто Фрэнк, и все.

РИТА. Ну, может, ваши родители назвали вас так не случайно.

Усаживается на стул около письменного стола.

ФРЭНК откладывает «Рубиновые джунгли» в сторону.

Ну, к примеру, Фрэнк Несс, как будто вы брат Элиота.

ФРЭНК. Кого-кого?

РИТА. Ну, Фрэнк Несс, брат Элиота.

ФРЭНК (озадаченно). А...

РИТА. Вы что-то никак не врубаетесь. Ну, Элиот Несс, этот знаменитый коп из Чикаго, тот, что поймал Аль Каноне.

ФРЭНК. А, теперь понял. Сначала, когда вы сказали Элиот, я подумал, что вы имеете в виду поэта.

РИТА. А вы что, читали его стишки?

ФРЭНК. Признаться, читал.

РИТА. Что, все?

ФРЭНК. До последней строчки.

РИТА (потрясенная). Что, честно? Я начала было читать одно, но так и не продралась до конца, знаете, у него есть такой стих «Артур Пруфрок». Так и не дочитала.

ФРЭНК. Альфред.

РИТА. Чего?

ФРЭНК. Это стихотворение называется «Любовная песнь Альфреда Пруфрока», Рита. Артур – это кто-то другой.

РИТА. Я и не знала. Мне очень многому надо научиться, верно?

ФРЭНК (глядя в ее документы). Так вы дамский парикмахер?

РИТА. Ну да.

ФРЭНК. И у вас это хорошо получается?

РИТА (встав со стула и расхаживая по комнате). Неплохо, когда мне этого хочется. Но обычно я не слишком стараюсь. Они все мне действуют на нервы.

ФРЭНК. Кто они?

РИТА. Да клиентки. Никогда толком не объяснят, чего им надо. Ну, знаете, когда делаешь перманент, то нельзя лить слишком много химии, если волосы покрашены какой-нибудь дешевкой, – они все вылезут. Так вот месяц назад приходит ко мне одна клиентка делать перманент, клянется и божится, что ничем не красилась. Но я-то вижу, что врет. Ну ладно, сделала ей перманент, в лучшем виде, выходит она из сушилки, а у нее на голове один пушок торчит.

ФРЭНК. Ну, и чем же дело кончилось?

РИТА. Как чем? Пришлось ей купить парик.

ФРЭНК. О господи!

РИТА. Знаете, когда женщине хочется, чтобы на голове у нее был полный порядок, она на все готова, любые денежки выложит. Даже пенсионерки. Но у тех свои проблемы – никогда не предупредят про слуховой аппарат – ну и обрежешь его ненароком. Чик – и бабуся потом две недели ходит, как глухая тетеря. Я эти аппараты всегда обрезаю.

ФРЭНК. У вас прямо какой-то пунктик.

РИТА. Точно. А все оттого, что они ждут от меня чуда. Думают, что придут в парикмахерскую одним человеком, а через час выйдут совсем другим. Я им толком говорю: здесь делают прически, а не пластические операции. Но хуже всего, когда приходят с какими-то особыми причудами, прямо как у Фарры Фосет Мейджорс.

ФРЭНК. Это еще кто такая?

РИТА. Фар-ра Фосет Мейджорс. Ну та, что выступала с «Ангелочками Чарли».

ФРЭНК по-прежнему ничего не понимает.

Ну это такая программа по телеку.

ФРЭНК. А...

РИТА (направляясь к двери). Хотя вы небось не смотрите Ай-Ти-Ви, предпочитаете Би-Би-Си, верно?

ФРЭНК. Ну, должен признаться...

РИТА. Да ладно вам, я и сама все знаю. Я только вошла сюда, сразу себе сказала: «Это, точно, «Флора» – мэн.

ФРЭНК. Это еще что такое?

РИТА. «Флора» – мэн.

ФРЭНК. Флора? В смысле цветов, что ли?

РИТА (возвращаясь к письменному столу). Да нет же, «Флора» – это такой мерзкий маргарин, без холестерина, его делают специально для таких, как вы, которые едят хлеб с камнями, знаете, такой бывает хлеб, что его разгрызть невозможно?

ФРЭНК (наконец понимает, смеется). Ах, хлеб с камнями...

РИТА. Неужели все-таки дошло? Слава богу, наконец-то. Так вот, эти тетеньки, которые приходят ко мне, думают, что я сделаю им новую прическу, и они сразу станут другими. Но если человек хочет стать другим, он должен изменить что-то в самом себе – не прическу, а душу, что ли? Вот как я, например. Думаете, у меня получится?

ФРЭНК. Ну, это действительно зависит только от вас, от вашего настроя. Вы убеждены, что действительно всерьез хотите учиться?

РИТА. Еще как хочу. Смешно, конечно, но я очень серьезно ко всему этому отношусь, хотя жутко в себе не уверена, честно признаться.

ФРЭНК смотрит на нее, под его взглядом ей становится не по себе, РИТА чуть-чуть отодвигается и отворачивает лицо.

Эй, чего это вы так на меня уставились?

ФРЭНК. Потому что вы потрясающе! Если хотите знать, вы кажетесь мне дуновением свежего воздуха, впервые появившемся в этой комнате за все последние годы.

РИТА (бесцельно слоняясь по комнате). Ну вот, так кто из нас выглядит смешно?

ФРЭНК. Вы что, неужели не поняли, что я сделал вам комплимент?

РИТА. Ладно, валяйте дальше...

ФРЭНК. То есть?

РИТА. Да не прикидывайтесь. Вы ведь прекрасно понимаете, что я имею в виду.

ФРЭНК. Что мне, действительно, очень хотелось бы понять, – почему у вас вдруг возникло такое неожиданное желание?

РИТА. Какое желание? Учиться?

ФРЭНК. Да.

РИТА. Оно возникло совсем не неожиданно.

ФРЭНК. Ах так?

РИТА. Дело в том, что я уже очень давно поняла, что отличаюсь от всех остальных. Ведь мне двадцать шесть, давно пора было завести ребенка, так все делают, мой муж наверняка думает, что я бесплодна. Знаете, он все время ноет: «Кончай принимать таблетки, давай родим ребенка». И я отвечаю, что давно перестала их принимать, просто чтобы он заткнулся. Но на самом деле все равно принимаю.

Поворачивается лицом к Фрэнку.

Понимаете, я пока не хочу ребенка. Я хочу сначала разобраться в самой себе. Вы можете это понять?

ФРЭНК. Могу.

РИТА (переходя к стоящему справа от стола стулу и начиная раскачивать его). Вот видите. А они не понимают. Они думают, что я спятила. Я и мужу пыталась объяснить, но, между нами говоря, он ведь у меня несколько туповат. Нет, не туповат даже, а просто слеп. Знаете, если я читаю или смотрю по телевизору что-то для него непонятное, он сразу звереет, начинает орать, – прямо как полоумный. Сначала я просто говорила, чтобы он заткнулся, но потом поняла, что не права, что надо попытаться поговорить с ним по-человечески, объяснить. И я пыталась, я говорила, что мне хотелось бы какой-то лучшей жизни, чем та, которой мы все живем. И он меня внимательно выслушал – но ничего не понял, потому что, когда я кончила, он сказал, что вполне со мной согласен, и решил откладывать деньги, чтобы уехать из нашей квартиры и купить дом в Формби. Но даже если бы мне и хотелось переехать в новый дом, то только не в Формби. Ненавижу эту дыру. А вы?

ФРЭНК. И я тоже.

РИТА. А вы-то сами где живете?

ФРЭНК. В Формби.

РИТА (плюхаясь на стул от удивления). О, господи.

ФРЭНК (вставая с места и направляясь к маленькому столику). Хотите еще выпить?

РИТА отрицательно качает головой.

Ну, а я, если не возражаете, выпью.

Наливает себе порцию виски.

РИТА. А может, не стоит? Убивает мозговые клетки.

ФРЭНК (смеясь). Боюсь, они уже давно все убиты.

Наливает себе еще виски.

РИТА встает и подходит к вращающемуся стулу, на котором обычно сидит Фрэнк. Начинает крутить его, затем усаживается на него, вытянув ноги.

РИТА. Ну, и когда же вы собираетесь меня учить?

ФРЭНК (смотря на нее). Чему же я могу вас научить?

РИТА. Всему.

ФРЭНК облокачивается на бюро с документами, пьет, качает головой, продолжая смотреть на Риту.

ФРЭНК. Давайте заключим с вами договор, согласны? Я расскажу вам все что знаю, но вы должны дать обещание никогда после этого сюда не возвращаться... Понимаете, я вообще-то и не хотел браться за эти курсы. Но меня уговорили и я согласился. Хотя знал заранее, что этого делать не следует. И встреча с вами лишь подтвердила, что я был прав. В этом нет вашей вины, детка, просто вы вытянули меня, как вытягивают лотерейный билет, вот и все. Между нами говоря я ведь чудовищно плохой преподаватель.

После паузы.

Но, как правило, это не имеет большого значения – чудовищный преподаватель вполне соответствует столь же чудовищным студентам. А остальные как-то умудряются чему-то обучиться помимо меня. Но вы – это совсем другое. Вы ждете от меня столь многого, а я ничего не могу вам дать.

Делает движение в ее сторону.

Все, что я знаю – поверьте, это так – это то, что ничего не знаю. И к тому же меня не устраивает время занятий.

Подходит к вращающемуся стулу и садится на него.

Неужели нельзя было придумать что-нибудь получше: хотят, чтобы мы с вами занимались именно тогда, когда все как один пабы открыты. Знаете, из меня мог бы выйти хороший преподаватель – если бы я мог читать лекции в пабе. Четыре порции некрепкого «гиннеса», я начинаю сыпать парадоксами, не хуже Оскара Уайльда. Вы меня простите – но тут есть другие преподаватели – я все вам устрою – сделаю вам такую рекламу...

РИТА, ни слови не говоря, направляется к двери. Выходит и аккуратно закрывает дверь за собой.

Внезапно дверь распахивается и РИТА с шумом влетает назад.

РИТА (подходя к Френку). Послушайте, что я вам скажу: я принята на эти курсы, вы, – мой преподаватель, и извольте, черт бы вас побрал, выполнять свои обязанности.

ФРЭНК. Но я же вам сказал – есть другие педагоги...

РИТА. Мой педагог – вы, и никаких других мне не надо.

ФРЭНК. Ради всего святого, милая, я же вам ясно объясняю...

РИТА. Мой учитель – вы, и точка.

ФРЭНК. Но я ведь вам тысячу раз повторил – я не хочу вас учить. Что же вы ко мне привязались?

РИТА (глядя Фрэнку в глаза). Да потому, что вы чокнутый, выживший из ума пропойца, который любит выбрасывать своих студентов в окошко, и вы мне нравитесь.

Пауза.

Неужели вы не поняли, что это комплимент?

ФРЭНК. Не дадите ли мне сигарету?

РИТА (протягивая ему пачку). С удовольствием. А на следующей неделе я захвачу с собой ножницы и как следует вас подстригу.

ФРЭНК. Вы не придете сюда на следующей неделе.

РИТА (давая ему прикурить). Еще как приду. И ножницы принесу.

ФРЭНК. Но я не хочу стричься.

РИТА (беря в руки сумку). А что вы хотите – ходить в таком виде всю жизнь?

Идет к двери.

ФРЭНК. В каком, простите, виде?

РИТА (снимая с вешалки пальто). А вот в таком – точно впавший в старческий маразм хиппи.

Картина вторая

ФРЭНК стоит посередине комнаты. Он смотрит на часы, подходит к окну, выглядывает, снова смотрит на часы, затем подходит к книжным полкам. Снова смотрит на часы, внезапно замечает, что ручка двери поворачивается. Смотрит на дверь, однако в комнату никто не входит, хотя ручка продолжает двигаться. Наконец, он подходит к двери и распахивает ее. За дверью стоит РИТА, держа в руках бутылочку с машинным маслом.

ФРЭНК. Ах, это вы.

РИТА. Привет. Смазываю вашу дверь.

Входит в комнату.

Я ведь знала, что у вас никогда до этого не дойдут руки. Держите.

Протягивает Фрэнку бутылочку с маслом.

ФРЭНК. Ну, спасибо.

Ставит бутылочку на шкаф с документами, затем возвращается к своему столу и усаживается на вращающийся стул; с довольным видом наблюдает за Ритой, расхаживающей по комнате.

РИТА (поворачиваясь к нему). Что это вы на меня так смотрите?

ФРЭНК. Вы не могли бы хоть раз нормально войти в комнату и сесть на место?

РИТА. Не могу, потому что стул стоит ко мне задом.

ФРЭНК (вставая с места). Ну может быть, вам будет приятно посидеть на моем стуле?

РИТА. Ни за что. Вы учитель, и это ваше место.

ФРЭНК. Да какая разница, где мое место. Если вам нравится этот стул – прошу, располагайтесь.

РИТА. Спасибо. Это что – так сказать, демократия в действии? Да я вообще не хочу сидеть. Мне нравится ходить по комнате.

Пауза.

Как это вам удалось отхватить такую?

ФРЭНК. Да ничего я не отхватывал. Просто мне ее дали. А все остальное уже образовалось как бы само собой.

РИТА (оглядывая комнату). Ну да. Это потому, что у вас настоящий вкус. Мне бы тоже хотелось когда-нибудь занять такую же вот комнату. Здесь все настоящее, без дураков. И ровно на своем месте.

Пауза.

И даже в беспорядке есть своя прелесть.

Оглядывается.

Такое впечатление, что куда вы что-нибудь положите, там оно уже и остается навсегда.

ФРЭНК (сидясь обратно). Вы хотите сказать, что за многие годы тут образовалась некая патина?

РИТА. Неужели я хотела это сказать?

ФРЭНК. Полагаю, что да.

РИТА. Ну пусть так. «Образовалась некая патина». Похоже на фразу из какого-нибудь романтического фильма, вам не кажется? «За многие годы на нашем лице образовалась некая патина».

ФРЭНК улыбается.

(Принюхивается). Вы тут часом не выпивали?

ФРЭНК. Ни разу.

РИТА. Это из-за меня, из-за того, что я сказала вам на прошлой неделе?

ФРЭНК (смеясь). О, господи, неужели же вы решили, что благодаря вам я прямо-таки переродился?

РИТА (подходя к окну). Я вовсе не хочу, чтобы вы перерождались. Вы можете вести себя, как вам угодно.

Быстро.

Мне так нравится эта лужайка под окном. Наверное, летом они там сидят?

ФРЭНК (тоже подходя к окну). Кто они?

РИТА (возвращаясь назад к письменному столу). Ну, те, кто бывает здесь обычно. Настоящие студенты.

ФРЭНК. А, ну да. Только проглянет солнышко, они уже здесь, в полном составе.

РИТА. Небось читают, занимаются?

ФРЭНК. Читают, занимаются? Да за кого вы их принимаете? Настоящие студенты никогда ничего не читают и ничем не занимаются.

РИТА. Что это вы такое говорите?

ФРЭНК. Шучу-шучу. Они и читают, и занимаются – иногда.

Пауза.

РИТА ставит сумку на стул, затем подходит к двери и вешает на крючок пальто.

РИТА. Знаете, тут все выглядит ровно так, как мне всегда казалось, должны выглядеть Итон или Хэрроу, в общем, частные школы для богатых. Когда я была маленькой, мне ужасно хотелось учиться именно в такой школе.

ФРЭНК. Храни вас Бог, да почему?

РИТА (подходя к своему стулу рядом с письменным столом). Мне казалось, в них есть что-то особое, знаете, свои маленькие кондитерские, и важные матроны, которые ведут хозяйство, и малыши-приготовишки. И обязательно среди них какая-нибудь пара, которую зовут Джонс-младший и Джонс-старший. Один раз я все это сказала своей матери.

Открывает сумку, извлекает из нее «Хоуард-Энд», блокнот для записей, линейку, пенал и методично располагает все это на письменном столе.

Она мне заявила, что я шизанулась.

ФРЭНК (пристально глядя на Риту). Шизанулась – это что же такое значит?

РИТА. Ну, спятила. Тронулась мозгами.

ФРЭНК. Теперь понял. Надо это запомнить. И первому же студенту, который меня спросит, является ли Айсобел Арчер протестантской мазохисткой, я непременно скажу, что она просто шизанутая.

РИТА. Да не несите чушь. Никогда вы этого не скажете.

ФРЭНК. Это еще почему?

РИТА. Потому, что вы не можете такого сказать. А если и скажете, то у вас это будет противоестественно, неужели не ясно?

ФРЭНК. Противоестественно?

РИТА. Ну да. Коли вы заявите такое вашим студентам, то они точно подумают, что это вы сами... ну, понятно, что.

ФРЭНК. Понятно – шизанутый. Скажите мне, Рита, а почему вы никогда не пробовали поступить в обычный университет?

РИТА. Чего? Это после той школы, в которой я училась?

ФРЭНК. А чем она была нехороша?

РИТА принимается точить свои карандаши, один за другим, очень аккуратно и методично, складывая стружку прямо на стол.

РИТА. Да нет, самая обычная школа: скучища, изодранные учебники, все окна выбиты, постоянные драки, иногда и с ножичками. Я думаю, учителя делали все, что могли, вечно твердя нам, что если мы будем хорошо учиться, то у нас больше шансов выйти в люди. Но серьезно учиться – значило превратиться в пай-девочку, то есть стать не такой, как все остальные, а это никоим образом не позволялось.

ФРЭНК. Кем не позволялось?

РИТА. Одноклассниками, родичами, всеми. Считалось, что школа – это нечто заведомо совершенно бесполезное и ненужное.

ФРЭНК пододвигает ей пепельницу, но РИТА не обращает на нее ни малейшего внимания и продолжает точить свои карандаши прямо на стол.

Полагалось интересоваться песенками, шмотками, мальчиками – вот это было дело. Впрочем, не могу сказать, что я этому как-то особенно сопротивлялась. И хотя меня никогда не покидали мысли о том, что это ничего не стоит, я тоже, как и все, заводила новую пластинку или покупала очередное платье, и старалась ни о чем не думать. Всегда ведь можно заставить себя перестать думать. Живешь, как живется, и уверяешь себя, что все о'кей. Глядишь – то какая-нибудь вечеринка, то какой-нибудь парень, которому можно сделать глазки, или подружки, чтобы поболтать да похихикать. Пока в один прекрасный день вдруг не задашь себе вопрос: неужели это все? Неужели ты больше ни на что не годишься? И именно тогда надо выбрать: сменить ли тебе в очередной раз новые шмотки – или изменить что-то в самой себе. И так

хочется, честно говоря, пойти и купить-таки новое платье. Потому что это самое простое, и все вокруг довольны, и ты вроде в порядке. Потому что они больше всего боятся не того, что у тебя появится другое платье, а что ты сама станешь другой.

ФРЭНК. Ну и что же – удавалось вам преодолеть это искушение – я имею в виду новое платье?

РИТА. А вы что – сами не видите? Да гляньте, что на мне надето. Я уже целый год ничего себе не покупаю. И не куплю – пока не сдам первый экзамен. А вот когда сдам, тогда уж куплю себе настоящее платье, знаете, такое, в каких ходят образованные женщины, кто умеет отличить Джейн Остин от Трейси Остин.

Заканчивает точить последний карандаш и аккуратно укладывает их все в ряд. Собирает стружку и швыряет ее в мусорную корзину.

Ну, теперь можно начинать.

ФРЭНК. Так вот, относительно текста, что вы написали про эту книжку, как там она называется?..

РИТА (доставая сигареты и зажигалку). «Рубиновые джунгли».

ФРЭНК. Вот-вот. Ну что вам сказать...

РИТА. Что ерунда, должно быть?

ФРЭНК. Дело не в этом. Видите ли, вы описали свои ощущения, а речь идет о литературоведческом анализе. И именно этому вы должны научиться.

РИТА. Не понимаю, в чем разница?

Закуривает сигарету.

ФРЭНК. Ну что ж. Прежде всего вам следует усвоить, что литературоведческий анализ должен носить абсолютно объективный характер. И подходить к нему следует, как к научному исследованию, подтверждая свои выводы ссылками на устоявшиеся литературные авторитеты. Литературная критика не может носить отпечаток субъективности, иначе она превращается в некую случайную интерпретацию. Здесь не должно быть места никаким чувствам, никаким сантиментам.

Берет в руки роман «Хоуардс-Энд».

Скажите, какое у вас сложилось впечатление об этой книге?

РИТА. Это чушь.

ФРЭНК. Что?!

РИТА. Я полагаю, что это несомненная чушь!

ФРЭНК. Это – чушь? А какие цитаты вы можете привести в подтверждение подобного вывода? Быть может, что-нибудь из работ Эф Эр Ливиса?

РИТА. К черту Ливиса! Это мое личное мнение!

ФРЭНК. Да, но что я вам сказал минуту назад? «Личное мнение» – это субъективизм, а не анализ.

РИТА. Ну, а что же делать, если я думаю именно так?

ФРЭНК. Стало быть, вы находите, что «Хоуардс-Энд» – это чушь? Ну что ж, прошу вас, объясните мне, что заставило вас прийти к выводу о том, что роман Эдварда Моргана «Хоуардс-Энд» – это, цитирую, – «чушь». Конец цитаты.

РИТА. И скажу. Это чушь, потому что парень, который его написал, – полное ничтожество. Потому что ваш распрекрасный Эдвард Морган Форстер буквально через страницу повторяет, что, цитирую: «Жизнь бедняков не интересует автора». Конец цитаты. И вот поэтому это чушь. И поэтому я не желаю читать эту книжку дальше, не желаю и все.

ФРЭНК (ошеломленно). И все потому, что он где-то сказал, что его не интересует жизнь бедняков?

РИТА. Да, именно поэтому!

ФРЭНК. Ну так он ведь и не собирался писать о бедняках.

РИТА. Когда он писал свой роман, жизнь бедняков в этой стране была ужасающей. А он, видите ли, заявляет, что это его нисколько не касается. Вашего поганого мистера Фостера.

ФРЭНК. Форстера.

РИТА. Мне дела нет никакого до того, как там его зовут. Сидел всю жизнь небось в своем кабинете и заявлял, что все остальное его не колышет.

ФРЭНК смеется.

И нечего надо мной смеяться!

ФРЭНК (вставая со стула). Но нельзя же подходить к произведениям Форстера с такой – марксистской точки зрения.

РИТА. А, собственно, почему нельзя?

ФРЭНК. Послушайте, я ведь вам сказал – никакой отсебятины, никаких сантиментов.

РИТА. Да нет тут никаких сантиментов!

ФРЭНК. Есть, и еще сколько. Вы бросили читать роман Форстера оттого, что вам бы хотелось, чтобы он проявлял больше внимания к жизни беднейших классов. Но жизнь может не иметь к литературе вообще никакого отношения.

РИТА. Да, но это же не морально!

ФРЭНК (расхаживая по комнате). Во-первых, аморально. Во-вторых, когда-то вы задали мне один вопрос. Так вот, знаете, какую оценку вы получите на экзамене за подобный подход к творчеству Форстера?

РИТА. Ну, и какую же?

ФРЭНК. Ну, самую низкую вам, может быть, и поставят, особенно, если экзаменатор отнесется к вам с симпатией и примет во внимание одно – весьма, впрочем, сомнительное, достоинство наших ответов.

РИТА. Это что еще за достоинство?

ФРЭНК. Их несомненную краткость.

РИТА. Ну ладно. Все равно ненавижу эту книгу. Не можем ли мы заняться чем-нибудь другим? Чем-нибудь таким, что мне будет по душе?

ФРЭНК. Боюсь, что литература, которая вам по душе, не имеет ничего общего с книгами, входящими в экзаменационный список, о которых вам могут быть заданы вопросы на экзамене. А стало быть, если вы хотите выдержать экзамен, вам следует начать с того, чтобы определенным образом изменить свои вкусы.

РИТА. Вы женаты?

ФРЭНК (снова усаживаясь на свой вращающийся стул). Э... видите ли...

РИТА. Так вы женаты. Ну и кто она, ваша жена?

ФРЭНК. А это для вас очень важно?

РИТА. Не поняла. Это для вас должно быть важно, ведь вы почему-то на ней женились.

ФРЭНК. Ну, для меня это не имеет больше никакого значения. Я ее не видел целую вечность. Мы давно расстались. Вы удовлетворены?

РИТА. Простите.

ФРЭНК. За что вы просите прощения?

РИТА. Ну как, за свой дурацкий вопрос.

ФРЭНК. Ну так вот, что касается романа Форстера «Хоуардс-Энд»,...

РИТА. А почему вы с ней расстались?

ФРЭНК (снимая очки и глядя на Риту). В таком случае, вы, может быть, будете конспектировать? А когда на экзамене вам зададут вопрос по творчеству Форстера, вы тут же извлечете ответ под названием «Семейная жизнь Фрэнка».

РИТА. Ну ладно, продолжайте. Я просто спросила, и все.

ФРЭНК (наклонившись к ней, заговорщицким тоном). Мы расстались, Рита, на почве поэзии.

РИТА. Чего?

ФРЭНК. В один прекрасный день моя жена заявила, что за все пятнадцать лет нашей совместной жизни моя поэтическая продукция была посвящена исключительно тому периоду, когда мы с ней познакомились.

РИТА. А вы, что же, еще и поэт?

ФРЭНК. Был поэтом. И поэтому, чтобы вдохновить меня на дальнейшее творчество, она от меня ушла. Моя жена – чрезвычайно благородная женщина: она оставила меня во благо литературы.

РИТА. Ну и что же было дальше?

ФРЭНК. Она оказалась совершенно права. Ее уход действительно сказался на литературном процессе крайне благоприятно.

РИТА. Вы написали кучу прекрасных стихов?

ФРЭНК. О нет, напротив. Я вовсе перестал их писать.

Р и та (с удивлением). Врете небось?

ФРЭНК (усмехается и вытягивается на своем стуле). Нисколько.

РИТА. Но люди из-за такого не расстаются. Из-за каких-то стихов.

ФРЭНК. Быть может, вы и правы. Но мне это запомнилось именно так.

РИТА. А вы были известным поэтом?

ФРЭНК. В общем, нет. Я выпустил несколько сборников, но они никогда не переиздавались.

РИТА. А можно почитать что-нибудь из ваших стихов,

ФРЭНК. Вряд ли они придутся вам по вкусу.

РИТА. Почему вы так думаете?

ФРЭНК. Это та поэзия, которую вы просто не сможете понять, так как для этого необходимо знание многих литературных ассоциаций.

РИТА. Ясно.

После паузы.

Так стало быть, вы теперь живете один?

ФРЭНК. Рита!

РИТА. Ну я же просто спросила...

ФРЭНК. Я живу с одной девушкой. Это моя бывшая студентка. Очень заботливая, терпимая, невероятно мной восхищается и проводит кучу времени, засунув голову в духовку.

РИТА. Она что, хочет себя в ней запечь?

ФРЭНК. Нет, не думаю, просто она обожает наблюдать за приготовлением гарнира к обеду.

РИТА. Приготовлением чего?

ФРЭНК. Гарнира. Хотя Джулия называет его «блюдом для заполнения пауз». Оно может стоять в духовке и тушиться бесконечно, целыми днями. Но, как правило, ничего другого не предлагается.

РИТА. Вы что же, по несколько дней не бываете дома?

ФРЭНК. Иногда. И не будем больше об этом.

РИТА. А почему?

ФРЭНК. Я сказал – закрыли тему.

РИТА. Если бы вы жили со мной и по несколько дней не бывали дома, я бы вас просто выгнала.

ФРЭНК. Но, Рита, если бы я жил с вами, то мне, наверное, было бы ни к чему пропадать где-то по несколько дней.

РИТА. Так вы не любите вашу Джулию?

ФРЭНК. Я безумно люблю ее. Это себя я люблю гораздо меньше.

РИТА. Ну... Вы потрясающий...

ФРЭНК. Изъявление вотума доверия – благодарю! Но я очень боюсь, Рита, что, узнав меня чуть ближе, вы измените свое мнение.

РИТА. Знаете – вот что я вам скажу – вы жутко умный, и можете сказать такое, что... Как бы мне хотелось уметь так разговаривать! Это что-то!

ФРЭНК. Да, уж, действительно! Так вот, «Хоуардс...»

Поворачивает свой стул так, чтобы не сталкиваться взглядом с Ритой.

РИТА. Ладно, бросьте это. Мне действительно нравится разговаривать с вами. Я прямо балдею. Наши учителя здорово ошибались, заставляя нас много говорить, вытягивали из нас, что хотели, а потом превращали это в какую-нибудь тягомотину. Помню, один раз мы ходили на прогулку, и мне попалась на глаза птичка, ну просто фантастика, вся разноцветная, я таких в жизни не видала, и только я хотела рассказать об этом нашей мисс, как один мальчишка из класса мне и говорит: «Заткнись, а то она заставит нас писать об этой твоей птичке очередное сочинение».

ФРЭНК (вздыхая). Да, Рита, вот так мы и делаем, и называется все это учебой и одновременно – воспитанием.

РИТА. Ладно, послушать вас, так все это ваше воспитание ни к черту не годится.

ФРЭНК. Очень может быть, что и так.

РИТА. Так чего ж вы взялись обучать меня и воспитывать?

ФРЭНК. Ну так вы же сами этого добивались. Хотя на самом деле мне больше всего хотелось бы взять вас за руку и вместе с вами навсегда покинуть эту комнату.

РИТА (возвращаясь к своему стулу). Ну ладно, давайте серьезно...

ФРЭНК. Я абсолютно серьезен. В мире существует тысяча других дел, которым я бы с удовольствием предпочел уроки. И большая часть из них связана с вами, юная леди...

РИТА (довольно улыбаясь). Да бросьте вы эти глупости. Вам просто нравится это все произносить вслух, и только.

С а д и т с я .

ФРЭНК. Вы так думаете?

РИТА. Не думаю, а знаю.

ФРЭНК. Рита, почему, ну почему вы не вошли в эту комнату ровно двадцать лет тому назад?

РИТА. Наверное, потому, что в шестилетнем возрасте у меня вряд ли приняли бы документы.

ФРЭНК. Вы ведь прекрасно понимаете, что я хочу сказать.

РИТА. Понимаю. Но мы встретились сейчас. И вы это одно, а я совершенно другое.

ФРЭНК. Да, да. Вы пришли ко мне только с целью получения знаний. Вы должны мне постоянно об этом напоминать. Итак, продолжим. Форстер...

РИТА. Не надо. Давайте о нем забудем.

ФРЭНК. Нет, уж, послушайте теперь меня: вы сказали, что я должен вас учить. Что вы хотите быть образованной. Что ж, боюсь, это потребует от вас довольно больших усилий. Знания, полученные вами в школе, более чем элементарны, вам в жизни не приходилось ни разу сдавать ни одного экзамена.

РИТА. Ну хорошо. Просто мне жутко не понравился этот чертов «Хоуардс-Энд»

ФРЭНК. Тогда, милости прошу, можете продолжать читать то, что вам больше по душе, но при этом оставьте меня в покое. Отправляйтесь в магазин за новыми шмотками, а я отправлюсь в паб.

РИТА (помолчав). Это уже давление на личность.

ФРЭНК. Оно самое.

РИТА. Понятно. А вам идет, когда вы сердитесь.

ФРЭНК. Форстер.

РИТА. Ну хорошо, хорошо, Форстер. У него вот все время повторяется фраза: «необходимо лишь установить связь»: это значит, что он был несостоявшимся электриком?

ФРЭНК. Рита!

РИТА. Мне просто кажется, что мы сможем лучше понять, что хотел сказать Форстер, если предварительно рассмотрим проблему штепсельной вилки мощностью в тринадцать ампер...

З а т е м н е н и е.

РИТА выходит.

Картина третья

ФРЭНК сидит за письменным столом и что-то пишет.

Дверь резко распахивается, в комнату влетает РИТА и подходит к столу, за которым сидит Фрэнк.

РИТА. О господи, с меня довольно! Это все тоска, скучища смертная, этот ваш поганый Форстер от него можно просто спятить!

Швыряет сумку на стол, поворачивается к двери, по дороге снимая пальто, вешает его на крючок.

ФРЭНК. Прекрасно. Ваши доводы.

РИТА. Вы грязный развратник...

ФРЭНК (грозя пальцем). Верно, верно, прямо в самую точку. Так.

Берет в руки листок бумаги.

Что это?

РИТА (садясь за стол). Какая-то поганая бумажонка, что же еще?

ФРЭНК. Это ваше сочинение. Прикажете понимать его как шутку, или что это вообще должно значить?

РИТА. Зачем? Это не шутка.

ФРЭНК. Рита, какого дьявола вы пишете сочинение, посвященное Эдварду Моргану Форстеру, которое полно ссылок на некоего Гарольда Роббинса?

РИТА. Ну и что тут такого? Вы же сказали, что необходимо привлечь и другие имена.

ФРЭНК. Ах вот оно что.

РИТА. А как же. Вы сказали: «Упоминание других писателей произведет на экзаменаторов благоприятное впечатление».

ФРЭНК. Да, сказал, но боюсь, что ни один экзаменатор, слава Богу, не имел удовольствия читать произведение под названием...

Заглядывает в текст Риты.

«Камень для Дэнни Фишера».

РИТА. Ну так это его проблемы, я то тут при чем?

ФРЭНК. Боюсь, что его проблемы вполне имеют шансы стать вашими проблемами после того, как он завернет вам ваше произведение.

РИТА. Ну, это уже абзац! И по-вашему. это будет справедливо, а? Этот динозавр, ваш экзаменатор, завернет мое сочинение только потому, что я более начитана, чем он!

ФРЭНК. Знаете, читать без разбора всякую дешевку, еще не означает быть начитанной.

РИТА. Но мне всегда казалось: что ни читай, все одинаково хорошо.

Достает из сумки сигареты.

ФРЭНК. Вот тут вы заблуждаетесь. Как раз выбор того, что читать, все и решает. Очень хорошо, что вы читали, например. «Сыновья и любовники» Лоуренса, вы их тут где-то поминаете. А когда вы их прочли?

РИТА. Да все на этой неделе. Прочла их, и Гарольда Роббинса и еще одну потрясную книжку, как ее зовут? О господи, забыла. Знаете, название у нее такое, как будто речь идет о половых извращениях. Ваш один парень написал...

ФРЭНК. Какой еще парень?

РИТА. Ну, он еще очень похож на Ноэля Кауарда. А, знаю – Сомерсет Моэм, правильно?

ФРЭНК. Книга Сомерсета Моэма о половых извращениях?

РИТА. Да нет, это не книга об извращениях, книга фантастическая, это просто название у нее такое...

ФРЭНК начинает хохотать.

Нечего смеяться...

ФРЭНК. Вы, наверное имеете в виду «Бремя страстей человеческих»?

РИТА. Точно – их! Ну и что – разве нельзя подумать, что это о половых извращениях?

ФРЭНК. Блеск!

П о м о л ч а в.

То есть, вы прочитали за неделю вот эти три романа?

РИТА (вытаскивая из пачки сигарету). Ну да. У нас в конторе было некоторое затишье.

ФРЭНК. Ну, а если я попрошу вас сравнить эти три романа, что бы вы могли сказать?

РИТА. Все хороши – каждый в своем роде.

ФРЭНК. Но вы, наверное, заметили некоторую разницу между Гарольдом Роббинсом и остальными двумя?

РИТА. Помимо того, что Гарольд Роббинс очень американистый?

ФРЭНК. Да, помимо этого.

РИТА. Ну, заметила. Те два пошкарней написаны. Но ведь все три – это книги?

ФРЭНК. Да, книги. Конечно. Но мне кажется, что вы склонны любую книгу считать произведением литературы?

РИТА. А что, разве нет?

ФРЭНК. Нет.

РИТА. Ну – а как же их тогда отличать, где литература, а где нет?

ФРЭНК. Ну, как вам сказать... Как правило, люди просто знают, вот и все.

РИТА. Но откуда же это известно, как этому научиться? Понимаете, вот это вы и должны мне объяснить. Я же ничего этого не знаю, сами видите.

ФРЭНК. Нет, не в том дело, что вы ничего не знаете. Просто при выборе книг надо быть более разборчивой, вот и все.

РИТА. То есть у меня не хватает вкуса. Вы это хотите сказать?

ФРЭНК. Не совсем.

РИТА. Конечно, это. Не смущайтесь. Я не расстроюсь. Я пришла сюда, чтобы всему научиться. У меня башка полна всякого хлама, разве не так? И ее надо основательно прочистить. Ну так давайте, вот этим и займитесь. И я никогда больше не стану читать Гарольда Роббинса.

ФРЭНК. Да читайте, читайте в свое полное удовольствие. Только не рассказывайте о нем на экзамене.

РИТА. Благодарю за совет. Стало быть, вы считаете, что нет ничего плохого, если и потискаешься иногда с парнями, лишь бы маменька ничего не узнала, так что ли?

ФРЭНК. Ну, может, и так.

Картина четвертая

ФРЭНК стоит у окна.

И комнату входит РИТА, с грохотом закрывая за собой дверь.

ФРЭНК подходит к одной из полок и что-то ищет.

РИТА. Не могу больше, точка. Честно, я совершенно не понимаю, что все это должно значить.

Подходит к своему стулу рядом с письменным столом Фрэнка, швыряет на его сумку, затем возвращается к двери и вешает пальто на крючок.

Он меня доконал, но я так ничего и не поняла. Все одно и то же: «Необходимо лишь установить связь», и больше ничего, тоска, сдохнуть можно. Ничего хорошего не нашла и ничего понять не способна!

ФРЭНК. Поймете. Непременно поймете.

РИТА. Да, вам легко говорить. Вы-то сами все прекрасно понимаете.

Возвращается к своему стулу.

А у меня уже просто все мозги набекрень из-за вашего Форстера.

ФРЭНК. А что если мы на время забудем о Форстере?

РИТА. С превеликим удовольствием.

ФРЭНК берет в руки сочинение Риты о «Пер Гюнте» и какой-то момент молча стоит перед ней. Затем сидится на уголок стола.

ФРЭНК. Мне бы хотелось поговорить с вами о том тексте, что вы мне прислали.

РИТА. А, об этом.

ФРЭНК. Именно об этом. В ответ на поставленный вопрос, как бы вы справились с теми трудностями, что связаны с постановкой «Пер Гюнта», вы пишете, цитирую: «Я бы поставила его на радио». Конец цитаты.

РИТА. Точно. Ровно так я и написала.

ФРЭНК. Ну и что дальше?

РИТА. А что должно быть дальше?

ФРЭНК. Понимаю, что это было с моей стороны достаточно наивно, но вообще-то я надеялся получить более развернутый ответ.

РИТА садится за стол и начинает распаковываться: пенал, линейка, блокнот, экземпляр «Пер Гюнта», а так же восемь критических работ о нем – все это она извлекла из сумки.

РИТА. Больше не успела. Всю неделю в конторе было чертовски много работы.

ФРЭНК. Значит, вы пишете сочинения прямо на работе?

РИТА. Ну да.

ФРЭНК. А собственно почему?

РИТА. Потому что Денни просто бешеный становится, когда я начинаю заниматься дома. Видеть этого не может. А у меня нет времени каждый раз с ним препираться.

ФРЭНК. Но вы не сможете и дальше отделяться такими, прямо скажем, немногословными ответами.

РИТА. А что, разве я неправильно написала?

ФРЭНК. Не то чтобы неправильно, но просто...

РИТА. Ну, я понимаю, что этого мало. Но мне показалось, что ответила я на ваш вопрос правильно.

ФРЭНК. Ваш ответ, Рита, это только тезис, с которого могло бы начинаться написанное вами сочинение, но не более того.

РИТА. Ясно, но у меня просто не было времени, и потому я решила в одну фразу уместить все свои мысли.

ФРЭНК. Но этого явно недостаточно.

РИТА. Да почему же недостаточно?

ФРЭНК. Ну недостаточно, и все тут.

РИТА. Но это же несусветная глупость, сами же говорили – сами говорили, что одна гениальная поэтическая строка стоит тысячи страниц какой-нибудь второразрядной прозы.

ФРЭНК. Но вы ведь, кажется, не пишете стихов. Мне бы хотелось довести до вашего сознания, что любой человек, который будет читать ваше сочинение и давать ему оценку, наверняка не удовлетворится вашим ответом: «Я бы поставила его на радио».

Встает со стула и подходит к Рите.

Существуют общепринятые правила, как следует отвечать на заданные экзаменатором вопросы. Коли угодно, определенный ритуал, определенные «правила игры». И хочешь – не хочешь, им надо следовать.

Опирается рукой на стул, на котором сидит Рита.

Помню, был один студент, который сдавал выпускной экзамен по теологии. Так вот, он вошел в комнату, где шел экзамен, извлек ручку и написал: «Ответы на все вопросы знает только Бог», отдал листок экзаменатору и вышел.

РИТА (ошеломленная). Прямо так?

ФРЭНК. А когда он получил свой листок назад, на нем было написано: «И только Бог может все оценить по достоинству».

РИТА. И что же, он провалился?

ФРЭНК (чуть отодвигаясь от нее). Разумеется. Понимаете, остроумный ответ не всегда оказывается правильным.

РИТА (доставая сигареты). Да вовсе не собиралась я быть остроумной. Просто у меня не было времени, вот и все.

ФРЭНК. Ну хорошо, теперь у вас время есть.

Склоняется над ней.

Посидите хоть пятнадцать минут спокойно и подумайте над более развернутым ответом: «Пытаясь преодолеть трудности, связанные с постановкой «Пер Гюнта», я бы поставила его на радио, потому что...» и дальше постарайтесь убедительно аргументировать, почему бы вы так поступили, используя цитаты из работ известных исследователей. Сделаете?

РИТА. Ну хорошо, будь по-вашему, сделаю!

Берет свое сочинение, ручку, текст «Пер Гюнта», книги об Ибсене, засовывает в рот сигарету и со всем этим направляется к столу, стоящему у окна.

ФРЭНК. Послушайте, вы хоть поняли, о чем я вас прошу?

РИТА останавливается и не вынимая сигареты изо рта, бросает через плечо.

РИТА. Чего ж тут не понять. Вы что же, решили, что я полная кретинка?

Берет стул, на котором сидит обычно и ставит его рядом с окном. Садится раскладывает свое хозяйство на столе, отодвигая при этом вещи Фрэнка, которые ей мешают.

ФРЭНК передвигает свой крутящийся стул в сторону и усаживается читать сочинения других студентов. РИТА устраивается на своем стуле со всеми удобствами и начинает пускать дым колечками.

А что, Пер Гюнт, он ведь искал смысл жизни, верно?

ФРЭНК. Ну, если в двух словах, то да.

РИТА. Ясно.

Пауза.

В среду, когда я делала завивку одной клиентке...

ФРЭНК. После расскажете.

РИТА (поворачиваясь лицом к Фрэнку). Да напишу я, не волнуйтесь. Я хочу вам сейчас рассказать. Вожусь я, значит, с ее головой, и такая тоска меня взяла, все несут какую-то чушь, ну как обычно у нас, и тогда я возьми и спроси у этой женщины: «А вы про «Пер Гюнта» слыхали?» Ну, она-то решила, что это новое средство для укладки волос. Тогда я ей все рассказала, про пьесу то есть. И что бы вы подумали – она меня с таким интересом слушала, с ума сойти!

ФРЭНК. Неужели?

РИТА. Представьте себе. А потом и говорит: «Мне бы тоже хотелось отправиться на поиски смысла жизни». И среди людей, которые меня окружают, таких очень много. Потому что наша жизнь лишена этого смысла.

Задумывается.

Фрэнк, вы же знаете, что такое культура, мировая культура? Ведь даже если человек регулярно ходит слушать оперы и все такое – это же еще не называется «культура», верно?

ФРЭНК. Верно.

Р и та. Ведь на самом деле культура – это образ жизни человека, так? Ну так вот, у нас вовсе нет культуры.

ФРЭНК. Ну, разумеется, есть.

РИТА. Это вы о чем? О так называемой «пролетарской культуре»?

ФРЭНК. Ну...

РИТА. Да читала я про это, но наблюдать в живом виде не приходилось.

ФРЭНК. А вы оглянитесь вокруг себя.

РИТА. Да я только и делаю, что оглядываюсь, однако никакой культуры не обнаруживаю. Я только вижу пропащих людей, живущих на антидепрессантах с единственной мыслью: день прошел – и хорошо. Но им такого никогда не скажешь, они же, видите ли, гордые. Они совершенно убеждены, что с культурой у них все в порядке, особенно когда они сидят в пабе и лакают из пластиковых стаканчиков свое любимое пиво.

ФРЭНК. Ну, в этом нет ничего плохого, коль скоро сам процесс доставляет им удовольствие.

Во время следующего монолога Риты ФРЭНК постепенно откладывает в сторону свои бумаги и слушает ее со все большим вниманием.

РИТА. Никакого удовольствия этот «процесс» им не доставляет. Потому что в нем нет смысла. Они любят вспоминать прошлое, когда шла война, или когда им надо было биться за каждый кусок хлеба, и за каждую тряпку, и за крышу над головой. И у них загораются глаза, потому что тогда в их жизни был этот самый смысл. А теперь – что ж, у всех есть хороший дом, все сыты, и денег тоже достаточно, и вроде все в полном порядке, но в глубине души они по-прежнему ощущают, что чем-то обделены. Это как будто болезнь, о которой все знают, но предпочитают не говорить, делают вид, что ничего не происходит, что все в норме, и даже убийства, жестокость, сожженные дома вроде бы неизбежны. Но ведь на самом деле тут что-то не так. А хуже всего что все, кто как бы должен отстаивать наши интересы, ну эти из «Дейли миррор», и «Сан», и телевизионщики, и из профсоюзов, – чему они нас учат? Зарабатывают деньги, ничего другого. Но нам не нужно еще больше денег, ни мне, ни многим другим. Ведь невозможно до бесконечности скупать новые шмотки и все прочее. Но профсоюзы советуют нам заколачивать больше денег, а в газетах и по телевидению все время рассказывают, на что их лучше потратить, и вроде все о'кей, все здоровы, и никакой болезни и в помине нет.

ФРЭНК разворачивает свой стул так, чтобы видеть Риту.

ФРЭНК (помолчав). А почему бы вам не заняться политикой?

РИТА. Политикой? Да идите вы, я ненавижу политику. Я просто рассказываю вам о том, что вижу вокруг. А сюда я пришла, чтобы наконец все понять. И то, что вы мне рассказываете, ну про литературу, театр, это придает мне силы. И потом я живу с мыслью, что через неделю приду сюда снова. Сегодня Денни пытался не пустить меня к вам, предлагал пойти в паб, с ним и его друзьями. То, что я бываю у вас, вызывает у него лютую ненависть, знаете, как у наркомана, не контролируемую. Люди ведь вообще не терпят, если кто-то делает попытку «вырваться из стаи». Я же после наших занятий становлюсь сильнее, именно это Денни так пугает.

ФРЭНК. «Лишь установить связь».

РИТА. Ой, только не надо снова про этого динозавра Форстера.

ФРЭНК. «Лишь установить связь». Вы разве не поняли, о чем вы мне сейчас рассказывали?

РИТА. Как о чем? О своих домашних делах.

ФРЭНК. Да, конечно, но при этом вы связали воедино: и ваши платья, и телевидение, и «Дейли миррор», и наркоманию, и вашего мужа.

РИТА. Верно.

ФРЭНК. Ну, теперь дошло?

РИТА. Ну – а у этого вашего Форстера – там-то как устанавливается эта связь?

ФРЭНК. Очень просто. Благодаря авторской иронии.

РИТА. Да ну? И всего-то?

ФРЭНК. Именно.

РИТА. Так что же вы мне этого сразу не сказали?

ФРЭНК. Конечно, я мог вам сказать с самого начала. Но человек значительно лучше понимает, если доходит до всего сам.

РИТА (искренне). Какой вы умный!

ФРЭНК. Прямо жуть! А теперь вернемся к «Пер Гюнту».

РИТА. Хорошо, будь по-вашему.

Раскрывает книги и начинает что-то писать.

ФРЭНК возвращается к чтению студенческих работ, не замечая, когда РИТА заканчивает свой труд. Она же, захватив с собой стул, свое сочинение, и книги, перемещается к столу Фрэнка. Поставив стул рядом с его столом, РИТА наблюдает за тем, как ФРЭНК работает.

ФРЭНК (поднимая глаза). Ну, как дела?

РИТА. Готово.

ФРЭНК. Написали?

РИТА протягивает Фрэнку свое сочинение.

(Читает вслух). «Пытаясь преодолеть трудности, связанные с постановкой «Пер Гюнта», я бы поставила его на радио, потому что, как говорил сам Ибсен, он писал его как пьесу для чтения, не предназначая ее для театра. И если бы во времена Ибсена существовало радио, то он бы поставил «Пер Гюнта» именно там».

ФРЭНК поднимает глаза на Риту; у нее на лице сияющая улыбка.

З а т е м н е н и е

Картина пятая

ФРЭНК сидит на своем вращающемся стуле. РИТА стоит рядом с книжными полками.

ФРЭНК. Ну, что еще случилось?

Пауза.

Ей-Богу, все это становится несколько однообразно. Когда вы появляетесь в этой комнате, вы готовы делать все, что угодно, только не работать. Нельзя ли попросить вас приходить более собранной? Где ваше сочинение?

РИТА (установившись в окно). Его нет.

ФРЭНК. То есть вы его не написали?

РИТА. Я сказала только, что его нет.

ФРЭНК. Вы что же, потеряли его, что ли?

РИТА. Его сожгли.

ФРЭНК. Сожгли?

РИТА. Да, вместе со всеми книгами Чехова, которые вы дали мне почитать. Денни обнаружил, что я снова принимаю таблетки; я сама виновата, оставила на видном месте рецепт. И тогда он сжег все мои книги.

ФРЭНК. Ничего себе!

РИТА. Мне очень жаль, я постараюсь купить вам другие.

ФРЭНК. Да я вовсе не о книгах. Черт с ними, с книгами.

РИТА. Ну почему он не хочет, чтобы я училась? Он так себя ведет, что вы небось подумали, будто у меня завелся любовник.

ФРЭНК. А что, разве нет?

РИТА медленно отходит к полкам с книгами и, остановившись около библиотечной стремянки, начинает машинально крутить ее в руках.

РИТА (глядя на Фрэнка в упор). Нет. Можно подумать, что у меня есть на это время. Мне бы с собой разобраться, а уж от всего остального – увольте. Да и никто мне не нужен. Ведь я как раз начинаю узнавать саму себя – и знаете, Фрэнк, это, действительно, потрясающе. Может быть, в моих словах есть доля эгоизма, но на сегодняшний день все, что мне нужно, – это то, что я открываю в себе. И поэтому я совершенно не собираюсь вешаться на шею какому-нибудь мужику, потому что мне тут же придется забыть о себе и заниматься исключительно его особой.

ФРЭНК. Может быть, ваш муж считает меня вашим любовником?

РИТА. Ну прямо. Вы мой учитель, я ему так и сказала.

ФРЭНК. Так вы рассказали ему обо мне? Интересно, что же вы ему говорили?

РИТА (сидясь). Ну я – это – я пыталась ему объяснить, что благодаря вам у меня как будто появилось новое дыхание. Что вы отдаете мне все, что имеете, ничего не ожидая получить взамен.

ФРЭНК. И что же он на это ответил?

РИТА. Ничего. Потом я на минутку вышла из комнаты. А когда вернулась, то увидела, что он сжег все мои книги, и записи, все абсолютно. Я сказала, что у тебя должно быть случилось размягчение мозгов, ну даже если у меня появился любовник, книги-то жечь зачем? Чехов уж точно тут ни при чем. Он ответил: «Ты думаешь, я решил, что ты путаешься с иностранцем?»

ФРЭНК (помолчав). Ну и что вы собираетесь теперь делать?

РИТА. Ну что, куплю вам новые книги, потом еще раз напишу сочинение.

ФРЭНК. Я хотел сказать, как вы собираетесь дальше жить с вашим мужем?

РИТА (вставая во весь рост). А я ему прямо сказала: «Ну ладно, проехали, все равно книги сгорели, но если ты только дотронешься до моего «Пер Гюнта» – убью».

ФРЭНК. Так прямо и сказали?

РИТА. Вот прямо так!

ФРЭНК. Вы его любите?

РИТА (помолчав). Я иногда вижу, как он на меня смотрит, и я знаю, о чем он думает в этот момент: не может понять, где та девочка, на которой он когда-то женился. Иногда он даже приносит мне подарки, думает, что с их помощью сможет заставить ее вернуться. Но она не вернется, ее больше нет, она ушла навсегда, а вместо нее появилась я.

ФРЭНК. И что вы решили, бросить занятия?

РИТА. Нет. Никогда!

ФРЭНК. Но когда книги начинают подменять собой жизнь, то, возможно, надо...

РИТА (взволнованно). Но они не подменяют жизнь, наоборот, они и есть теперь моя жизнь. А он хочет у меня эту жизнь отнять, хочет, чтобы я так и оставалась в этом гробу, вот и все. То, что я прихожу сюда, то, чем я здесь занимаюсь, – изменило всю мою жизнь, я живу теперь так, как не жила никогда, и он не может этого не замечать. Что ж, если я не нужна ему живая, то я, разумеется, не собираюсь ложиться и помирать ради его прихоти. Я заявила ему, что ребенок

будет у меня только тогда, когда я сама этого захочу. Но он и этого не понимает. Он не понимает, чего еще можно захотеть, коль скоро мы можем себе позволить пойти в паб, где предлагают на выбор восемь разных сортов пива. Можем даже выбирать, где нам жить – от Ивертона до Ливерпуля – можем выбирать между различными сортами стиральных порошков, если нам не понравится одна вшивая школа, можно перейти в другую, столь же вшивую, если не устраивает работа, можно вообще не работать и получать пособие, мы даже вправе решить, что нам есть на завтрак – маргарин или сливочное масло – ну чего же еще?

ФРЭНК. Все так. Но, может быть, ваш муж просто...

РИТА. Хватит. Не хочу больше о нем говорить.

Подходит к столу Фрэнка.

Так почему Чехов был гениальным комедиографом?

ФРЭНК. Рита, может, сегодня мы обойдемся без урока?

РИТА. Нет, не обойдемся. Я хочу знать. Хочу пройти и через это. Он может сжечь мои книги, и записки, но то, что уже вошло в мое сознание, – с этим ему ничего не поделать. А разве у вас не так, Фрэнк, разве в ваше сознание это не вошло?

ФРЭНК. Знаете, хватит на сегодня разговоров. Давайте пойдем в паб, выпьем по кружке «Гиннеса» и просто поболтаем.

РИТА. Я должна понять, Фрэнк. Я должна. Поэтому давайте лучше поговорим о Чехове.

ФРЭНК. А может, нам стоит поговорить о вас и о Денни, а?

РИТА. Нет, об этом не хочу.

ФРЭНК (помолчав). Ладно. Значит, Чехов.

РИТА отходит к правому концу письменного стола, останавливаясь между стулом и столом.

Чехов, значит, на «Ч».

ФРЭНК поднимается со стула, подходит к книжным полкам, захватив при этом с собой стул, на котором сидела Рита. Встав на него, начинает копаться среди книг, стоящих на верхней полке, роняя некоторые на пол. РИТА оборачивается, хочет сесть, но замечает, что ее стула на месте нет. Смотрит на Фрэнка как раз в тот момент, когда он обнаруживает за книгами спрятанную бутылку виски. Он спускается со стула, ставя бутылку на маленький столик.

Итак, будем говорить о Чехове, и при этом делать вид, что сидим в пабе.

РИТА. А чего это вы их там прячете?

ФРЭНК (наливая виски себе и Рите). Маленькие хитрости для моего непосредственного начальства, некоторая осмотрительность. Дело в том, что мне не запрещается выпивать, меня только попросили не оставлять следов преступления.

РИТА (залезая на стул, чтобы поставить упавшие книги на место). А вы что, действительно, так любите выпить?

ФРЭНК. Представьте себе, очень. И не вижу в этом решительно ничего дурного.

РИТА. А вот когда вы писали стихи, Фрэнк, тогда вы, наверное, не пили?

ФРЭНК. Иногда приходилось, но не так часто, как сейчас.

Делает глоток.

Понимаете, когда я под градусом, то мне начинает казаться, что за болтовней, которой я занимаюсь, действительно, скрывается что-то стоящее.

РИТА. А почему вы перестали писать стихи, Фрэнк?

ФРЭНК (грозя ей пальцем). А вот это уже вопрос для разговора в пабе.

РИТА. Ну так что ж, мы ведь решили сделать вид, будто мы сидим в пабе.

Встает со своего стула.

ФРЭНК. Да, и при этом беседуем о Чехове.

РИТА. Чехов пойдет под номером два. Номер один – вы, Фрэнк. Итак, почему же вы бросили писать стихи?

ФРЭНК. А я не бросал, я просто понял в один прекрасный день, что никогда их по-настоящему не писал, что все это была чепуха. Вот так-то, Рита.

П о м о л ч а л.

Мне только казалось, что я пишу стихи – на самом деле, в течение очень многих лет я всего лишь занимался литературой. Вы меня поняли?

РИТА (ставя стул на его обычное место, справа от стола). Ну, а разве не это делают все поэты?

ФРЭНК. Что именно?

Протягивает Рите стакан.

РИТА. Ну как что, занимаются литературой?

Усаживается на маленький столик.

ФРЭНК (качая головой). Поэты вообще не должны думать о литературе.

РИТА (ошеломленно). Этого я не понимаю.

ФРЭНК. Поймете. Со временем.

РИТА. Иногда мне кажется, Фрэнк, что я вообще ничего не смогу понять. Мне кажется, что я начинаю с нуля, как будто я учу незнакомый мне язык. Знаете, когда я прочитала эту пьесу Чехова, она показалась мне чертовски грустной, даже трагической; все эти самоубийства, и этот мальчик, Константин, который так хочет сыграть свою чудную пьесу, а все поднимают его на смех... Это ведь, действительно, трагедия. А потом я прочла всю эту белиберду, которую наболтали о «Чайке» критики, и что же – все повторяют, что Чехов, видите ли, был гениальным комедиографом.

ФРЭНК. Ну да, это, конечно, не комедия – то есть не комедия в обычном смысле слова. А вы когда-нибудь смотрели Чехова в театре?

РИТА. Нет. А что, это можно посмотреть?

ФРЭНК. А вы вообще-то хоть раз были в театре?

РИТА. Ни разу.

ФРЭНК. Надо пойти.

РИТА. Так пошли сейчас же!

ФРЭНК. Вы хотите, чтобы я пошел с вами в театр? Ни за что, да я ненавижу театр.

РИТА. Так какого черта вы требуете, чтобы я туда пошла?

ФРЭНК. Но вы же хотите все знать.

РИТА (складывая вещи в сумку). В таком случае, вы пойдете вместе со мной.

ФРЭНК. Ну а что я скажу Джулии?

РИТА. Так и скажете, что пошли со мной в театр.

ФРЭНК. «Видишь ли, Джулия, я не приду к обеду, поскольку отправляюсь в театр в обществе обворожительной Риты».

РИТА. Оставьте ваши пошлости.

ФРЭНК. Но я говорю вполне серьезно.

РИТА. А что, она и в самом деле будет вас ревновать?

ФРЭНК. Если узнает, что я был в театре с такой неотразимой красоткой, как вы? Ну, Рита, после этого она по крайней мере неделю рта не раскроет.

РИТА. Почему?

ФРЭНК. А что, разве непонятно?

РИТА. Ну, я не знаю – я думала...

ФРЭНК (подливая себе в стакан еще виски). Как бы это абсурдно не выглядело, Рита, но даже женщина с дипломом магистра искусств способна испытывать вполне заурядную ревность.

РИТА. Да, но ревновать-то ей к кому, ко мне, что ли? Знаете, я как-то не собираюсь в разгаре «Чайки» начать заниматься с вами любовью.

ФРЭНК. Что ж, очень жаль. А то, пожалуй, театр вновь обрел бы для меня ту прелесть, которую представлял когда-то.

РИТА. Пойдемте, Фрэнк. Пойдемте со мной. Вы ведь никогда не думаете того, что говорите, правда?

ФРЭНК. То есть?

РИТА. Вы так не думаете. Это все только ваши любимые шуточки, которыми вы всегда от меня отделяетесь. Пойдемте, Фрэнк, пойдемте в театр, вместе. Нам будет так весело...

ФРЭНК. Вы думаете?

РИТА. Я знаю. Ну же, давайте позвоним вашей Джулии.

Подходит к телефону и снимает трубку.

ФРЭНК. Что?

РИТА. Ну, говорите, какой у вас номер?

ФРЭНК (выхватывает трубку у нее из рук и опускает на место). Мы не станем звонить Джулии. Да ее и дома сегодня нет.

РИТА. И что же вы собирались в таком случае делать весь вечер? Сидеть в пабе?

ФРЭНК. Да.

РИТА. Пойдемте со мной, Фрэнк, это лучше, чем сидеть в пабе.

ФРЭНК. Вы так считаете?

РИТА. Не сомневаюсь.

Подходит к вешалке, снимает оба пальто, бросает свое на спинку стула.

ФРЭНК (ставя свой стакан на полку). Ну так и что же вы хотите посмотреть?

РИТА подает ему пальто.

РИТА. «Как важно быть серьезным»...

ФРЭНК. А разве это сейчас где-нибудь идет?

РИТА. Идет – сойдя с автобуса, проходила мимо церкви и там видела афишу...

ФРЭНК зло поворачивается к ней лицом, одновременно скидывая с себя пальто.

ФРЭНК (с негодованием). Вы что же, хотите, чтобы я пошел на самодеятельность?

РИТА. Что значит самодеятельность?

ФРЭНК. Вы хотите, чтобы я не пошел в паб и вместо этого весь вечер смотрел, как какие-то любители разыгрывают в церкви пьесу Уайльда?!

РИТА поднимает с пола его пальто и набрасывает ему на плечи.

РИТА. Ну и что такого? Какая разница, кто играет? Разве это не та же самая пьеса?

ФРЭНК. Может быть, Рита...

Выключает настольную лампу.

РИТА (надевая пальто и беря в руки сумку). Ну, тогда побежали. Мне жутко интересно, я ведь еще никогда не видела, как играют в настоящем театре.

ФРЭНК гасит верхний свет и берет свой портфель.

ФРЭНК. Боюсь, что сегодня вы вряд ли увидите «настоящий» театр.

РИТА. Но почему? Только оттого, что это не профессионалы? Но ведь и им надо дать попробовать свои силы, и чему-то научиться. А может оказаться, что это вовсе не так уж плохо.

ФРЭНК (с сомнением). Все бывает...

РИТА. Послушайте, вы ведь жуткий сноб, разве не так?

ФРЭНК (улыбается, признавая ее правоту). Ну ладно уж, пошли.

Направляются к двери.

РИТА. А вы раньше эту пьесу когда-нибудь видели?

ФРЭНК. Ну конечно.

РИТА. Тогда не рассказывайте мне ничего, ладно? Дайте мне все понять самой.

З а т е м н е н и е.

ФРЭНК и РИТА выходят.

Картина шестая

Сцена освещается. Входит ФРЭНК, неся в руках портфель и кипу студенческих работ. Подходит к бюро, вынимает из портфеля конспекты своих лекций и кладет их в ящик. Извлекает все из того же портфеля пакет с сэндвичами и яблоко и кладет их на стол, затем подходит к подоконнику и швыряет на него портфель и студенческие сочинения. Включает радио и наконец усаживается на свой крутящийся стул. Достает из пакета сэндвич, откусывает, затем достает книгу и погружается в чтение.

В комнату буквально врывается запыхавшаяся РИТА.

ФРЭНК. Откуда вы взяли?

Смотрит на часы.

Сегодня же вторник и вы должны быть...

РИТА (подходя к столу, быстро). Я прекрасно знаю, что пришла не вовремя, у меня сейчас обед, но послушайте, мне необходимо кое-что вам сказать. У вас найдется две минутки, вы можете уделить мне...

ФРЭНК (тревожно). Господи, да что случилось?

РИТА. Я должна была прийти и сказать вам: Фрэнк, вчера вечером я ходила в театр! В настоящий театр!

ФРЭНК встает, выключает радио, затем вновь опускается на свой стул.

ФРЭНК (облегченно переводя дух). О, как же вы меня напугали, я и в самом деле решил, что произошло что-нибудь серьезное.

РИТА. Но это действительно очень серьезно. Я пришла в театр, купила билет, шел Шекспир, и я думала, что это будет смертная тоска...

ФРЭНК. Тогда зачем же вы пошли?

РИТА. Я должна была наконец понять. Но знаете, это не было скучно, это было грандиозно, честно, я была потрясена, просто фантастика! Я хочу написать об этом.

ФРЭНК (улыбаясь). Ну так и что же вы смотрели?

РИТА выходит вперед.

РИТА.

...Дотлевой, огарок!

Жизнь – это только тень, комедиант,

Паясничавший полчаса на сцене

И тут же позабытый; это повесть,

Которую пересказал дурак:

В ней много слов и страсти, нет лишь

смысла...^{*1}

^{*1} – пер. Ю.Корнеева (Макбет», акт V, сцена 5.)

ФРЭНК (улыбаясь). А, понял, «Ромео и Джульетта».

РИТА (поворачиваясь к Фрэнку лицом). Ну, Фрэнк, не смейтесь же надо мной. Я купила книгу и сегодня выучила это наизусть.

Достает из сумки книгу.

Понимаете, я вышла после спектакля и тут же ее купила. Что скажете? Раньше я и продраться сквозь это не смогла бы, а теперь готова кричать на весь мир, так это здорово!

ФРЭНК усаживается удобнее и задирает ноги на стол.

Послушайте, ну и корова была его жена, скажете, нет? А когда он вызывает на бой Макдуфа, считая себя неуязвимым для него! Я прямо вся изъерзалась, когда шла эта сцена. Кричать уже хотела, чтобы Макбета предупредить об опасности.

ФРЭНК. Ну и что же, кричали или нет?

РИТА. Нет. Ведь в театре нельзя кричать, верно? Но это было чертовски здорово! Настоящий триллер.

ФРЭНК. Действительно. Ну, теперь вам надо пойти посмотреть другие пьесы Шекспира.

РИТА. И пойду. Фрэнк, а «Макбет» – ведь это трагедия, правда?

ФРЭНК утвердительно кивает.

Вот видите.

РИТА улыбается, глядя на Фрэнка, тот отвечает ей тем же.

Ну вот, мне просто надо было об этом кому-то рассказать – кто способен это понять.

ФРЭНК. Что ж, весьма польщен, что вы избрали именно меня.

РИТА (направляясь к двери). Ладно, я, пожалуй, пойду. У меня там клиентка сушится. Побежала, а то произойдет трагедия похлеще.

ФРЭНК. Если что и произойдет, то это не будет трагедией.

РИТА. Уверяю вас, что будет. Я эту тетку знаю: зануда жуткая. Если что не по ней – пух и перья полетят.

ФРЭНК. Да, и это может быть вполне трагично...

Кидает ей яблоко, которое она ловит.

...Но тем не менее все равно не станет трагедией.

РИТА. Не поняла?

ФРЭНК. Ну как вам объяснить... Понимаете, трагедия как жанр драматургии не имеет ничего общего с теми событиями, вполне трагического свойства, о которых вы говорите. Макбет честолюбив, не так ли?

РИТА (возвращаясь от двери и садясь на стул рядом с Фрэнком). Да. И что дальше?

Начинает грызть яблоко.

ФРЭНК. Ну так вот. Честолюбие заставляет его шаг за шагом двигаться навстречу своей роковой гибели. Поняли?

РИТА протягивает ему жестяную баночку с соком. ФРЭНК машинально берет ее в руки.

(Ставя банку на стол). Спасибо, не хочется. В то время как и неудачная завивка вашей клиентки, и вообще все новости, о которых пишут в газетах, как о чем-то трагическом, например: «Человек, убитый рухнувшим деревом», – все это не есть трагедия.

РИТА. Разве это не трагедия для того, кто оказался под этим деревом?

ФРЭНК. Разумеется, это трагично, кто же спорит. Но это не есть трагедия в том смысле, в каком мы называем трагедией пьесу Шекспира «Макбет». Трагедия как жанр драматургии несет в себе момент неизбежности, предопределенности. Ведь вы никогда раньше не слышали историю короля Макбета, однако были готовы кричать во весь голос, чтобы предупредить его, не дать ему совершить этот шаг, так ведь? Но вы все равно не смогли бы удержать его, правильно?

РИТА. Нет. Не смогла бы.

ФРЭНК. А почему?

РИТА. Ну потому что меня просто выкинули бы из театра.

ФРЭНК. Я имею в виду совсем иное: ваше предупреждение все равно бы не было услышано. Ведь по ходу пьесы Макбет не раз получает такие предупреждения. Но он не может повернуть вспять. Он продолжает совершать поступки, которые ведут его к предначертанной гибели. В то время как тот несчастный, на которого свалилось дерево, вовсе не делал ничего такого, чтобы это происшествие стало неизбежным, разве не так?

РИТА. Так.

ФРЭНК. И в характере его не было какой-то особой слабости или порока, которые предопределили бы такой конец. И если его заранее предупредить, что может произойти с ним под этим самым деревом, он ведь, наверное, не станет под ним стоять? Понятно?

РИТА. Значит – значит, Макбет сам идет навстречу смерти?

ФРЭНК. Да. Но не осознает этого, и постепенно своими руками сплетает ту сеть, которая потом его задушит. Теперь понятно?

РИТА. Мне кажется, да. Я просто не умею так рассуждать.

ФРЭНК Но это же очень просто, Рита.

РИТА. Для вас. А мне эта история просто показалась жутко увлекательной, и все. Но теперь, после ваших слов, она выглядит совсем иначе.

Пауза.

Трагедия, это ведь очень здорово, верно?

Выглядывает в окно.

А вот они там, они, наверное, знают кучу таких умных вещей, а?

ФРЭНК. Послушайте, Рита, а что если нам съесть нормальный ланч?

РИТА. Ланч?

Вскакивает, хватая свои вещи – «Макбета», банку с соком, яблоко – и направляется к двери.

О господи, про клиентку я все-таки забыла. Она ведь просила только немножко ее накрутить, а там уж наверное такое – не продерешься!

Возвращается к столу, за которым сидит Фрэнк.

Послушайте, Фрэнк, я хочу пойти в картинную галерею. У меня завтра после перерыва отгул. Хотите пойти со мной?

ФРЭНК (улыбаясь). Хочу.

РИТА направляется к двери.

(Глядя ей вслед). А... я хотел спросить – что вы делаете в субботу?

РИТА. Работаю.

ФРЭНК. Ну, а после работы.

РИТА. Не знаю.

ФРЭНК. Мне бы хотелось, чтобы вы пришли к нам в гости.

РИТА. Зачем это?

ФРЭНК. Ну, просто Джулия пригласила несколько человек к обеду, вот и все.

РИТА. И вы хотите, чтобы я тоже пришла? Но зачем?

ФРЭНК. А вы сами как думаете?

РИТА. Никак.

ФРЭНК. Просто, чтобы доставить вам удовольствие.

РИТА. Ах, вот оно что.

ФРЭНК. Ну как, придете?

РИТА. Если вам так этого хочется...

ФРЭНК. А вам не хочется?

РИТА. Хорошо, я приду.

ФРЭНК. И захватите с собой вашего Денни.

РИТА. Если он пойдет.

ФРЭНК. А вы его как следует попросите.

РИТА (удивленно). Хорошо, я попрошу.

ФРЭНК. Вас что-нибудь смущает?

РИТА. Смущает. Я не знаю, что мне надеть.

З а т е м н е н и е .

РИТА уходит из комнаты.

Картина седьмая

ФРЭНК сидит в кресле и слушает радио. Входит РИТА, стремительно подходит прямо к столу, вешает сумку на спинку стула. Затем садится, вытаскивает из сумки блокнот для записей и пенал с карандашами. Открывает блокнот, вынимает карандаши, точилку, раскладывая все это хозяйство, как обычно, перед собой. ФРЭНК поднимается с кресла, выключает радио и усаживается на свой вращающийся стул.

ФРЭНК. Что касается лично меня, то я ничего не имею против: и коль скоро обедать село на два человека меньше, то значит мне достанется больше выпивки, вот и все. Но Джулия – это совсем другое дело. И если она ждет к обеду восемь человек, то их и должно быть ровно восемь. Ей во всем важен порядок – наверное, столько лет прожив со мной, она просто привыкла постоянно думать о том, чтобы был порядок.

РИТА принимается точить карандаши.

И поэтому она с трудом может перенести, если за столом вместо ожидавшихся восьми человек оказывается шесть. Я вовсе не хочу сказать, что жду от вас каких-то особых извинений, не подумайте, но...

РИТА. А я, собственно, извинилась.

ФРЭНК. Ну да, нацарапали на обороте вашего сочинения «Прошу прощения, прийти не могу» и сунули его в наш почтовый ящик. Простите, Рита, но это как-то мало походит на извинение.

РИТА. Но я же написала «прошу прощения», чего вам еще? Когда я рассказала Денни о вашем приглашении, он просто пришел в бешенство, и мы с ним потом долго ругались.

ФРЭНК. Мне очень жаль, я как-то об этом не подумал. Но вы ведь могли объяснить толком, в чем, собственно, причина вашего отказа.

РИТА. Не могла. Потому что причина не в этом. И Денни я сразу сказала, что если он не хочет идти, то я все равно пойду одна. Я уже совсем было собралась. Всю субботу, пока я стригла, причесывала, завивала, я думала о том, что мне на себя надеть. Все мои платья казались мне одно хуже другого. И еще я думала, о чем я буду разговаривать с вашими гостями. И совершенно ничего не могла придумать. В голове словно все перепуталось, я не могла вспомнить, то ли Уайльд слыл остряком, то ли Шоу – шовианцем, я даже забыла, кто написал этот чертов «Хоуардс-Энд».

ФРЭНК. Рита!

РИТА. А потом я еще села не на тот автобус и в результате заехала черт знает куда. Но в итоге, когда я наконец добралась до вашего дома и в окно увидела всех вас – вы что-то пили, весело болтали, смеялись, – я просто не смогла заставить себя войти.

ФРЭНК. Надо было заставить.

РИТА. Не смогла. И вино я купила совсем не то. И когда я его покупала, я понимала, что не то покупаю. Но я не знала, что нужно купить.

ФРЭНК. Ей богу, Рита, я ведь просто хотел, чтобы вы пришли к нам в гости. И совершенно ни к чему было наряжаться, или приносить какое-то вино.

РИТА (судорожно перебирая свои карандаши и ручки). А что, Фрэнк, разве вы, собираясь в гости, не одеваетесь и не покупаете бутылку вина?

ФРЭНК. Ну да, конечно, но...

РИТА. Вот видите...

ФРЭНК. Что я вижу?

РИТА. Ну, вы же не принесете какую-нибудь шипучку?

ФРЭНК. Да какая разница, что я принесу? Вы могли принести что угодно, даже самый дешевый испанский портвейн.

РИТА. Он-таки был испанский.

ФРЭНК. Не нужно было обо всем этом думать.

Поднимается, заходит за спинку стула, на котором сидит Рита, склоняется над ней.

Мы же не устраивали какой-то званый вечер. От вас требовалось только одно – быть самой собой, вот и все. Впорхнуть в комнату, как вы обычно это делаете, и все бы сразу поняли, какая вы смешная, забавная, милая...

РИТА (зло). Но я вовсе не хочу быть ни смешной, ни забавной, ни милой! Да и что во мне забавного, скажите на милость. Мне хотелось вести со всеми вами серьезные беседы, а не нести какую-то чушь, и не быть «забавной», я не игрушка, и на роль домашнего клоуна не гожусь, вот так вот!

ФРЭНК. Да никто вас для этого и не звал. Надо было просто оставаться самой собой – больше ничего.

РИТА. Но я не хочу оставаться самой собой. Самой собой? А кто я, собственно, есть? Глупая девчонка, над которой всякий рад посмеяться, потому что ей, видите ли, вздумалось учиться, девчонка, возомнившая, что в один прекрасный день она станет нормальным человеком,

умеющим вести серьезные разговоры, обладающим знаниями и уверенностью в себе и ничем не отличающимся от всех цивилизованных людей. Чушь, конечно, но тем не менее можно позвать ее в гости – пусть все посмеются!

ФРЭНК. Если вы действительно считаете, что я пригласил вас в гости, чтобы выставить на посмеище, то можете убираться отсюда, немедленно.

Подходит к своему письменному столу, собирает в кучу ворох студенческих работ и, перейдя к подоконнику, сует их к себе в портфель.

Я пригласил вас, потому что мне хотелось провести вечер с вами вместе, но, впрочем, если вы не способны в это наконец поверить, то, наверное, будет больше толку, если вместо того, чтобы приходить ко мне, вы обратитесь к психоаналитику, который что-то понимает в тяжелых случаях паранойи.

РИТА. В этой комнате, с вами, мне очень хорошо, но когда я в окно увидела ваших гостей, я просто не смогла зайти в дом, словно ноги отнялись. Потому что я превратилась в урод. Я больше не могу разговаривать с теми людьми, которые меня окружают. Но и с теми, кто собирается в вашем доме, я тоже не умею разговаривать, я их языком не владею. Знаете, я как будто какая-то полукровка. И уйдя от вашего дома, я вернулась в паб, где сидели Денни, и моя мать, и наша Сандра со своими парнями. И я решила, что никогда больше не приду к вам.

ФРЭНК оборачивается, чтобы увидеть ее лицо.

И я вошла в паб, и услышала, как все они поют, поют какую-то песенку, которую вечно крутят в таких заведениях. И я стояла, слушала их пение и думала, а чего тебе на самом деле нужно? Почему бы просто не войти, не сесть с ними за столик и не присоединиться к их хору?

ФРЭНК. Ну и почему же вы этого не сделали?

РИТА. В самом деле – почему? Ведь вы, проходя мимо пабов и слыша, как мы поем, пребываете в полной уверенности, что с нами все о'кей, что мы бодры и духом и телом? Ну так знайте, что я вошла, и пела вместе с ними, и не задавала ни одного вопроса. Просто взяла и включилась в общий хор. А потом я заметила, что моя мать плачет, и никто не мог добиться от нее, в чем дело. Решили, что она просто устала и ее надо отправить домой. По дороге я тоже спросила, почему она плакала. Хотите знать, что она ответила? «Потому что мы могли бы петь что-нибудь получше, чем эти песни». А еще через десять минут она снова смеялась над шутками, которые отпускал Денни, и снова пела вместе со всеми, делая вид, что ничего мне не говорила. Но она сказала. И именно поэтому я опять пришла сюда.

З а т е м н е н и е .

РИТА выходит.

Картина восьмая

ФРЭНК сидит на своем крутящемся стуле. В руках у него сочинение Риты о «Макбете». В комнату медленно входит РИТА, неся в руках чемодан.

ФРЭНК (не глядя на нее). Минутку.

РИТА ставит чемодан в угол и бесцельно ходит по комнате.

ФРЭНК дочитывает сочинение Риты, вздыхает и снимает очки.

Ваше сочинение.

Замечает Ритин чемодан.

А это что такое?

РИТА. Мой чемодан.

ФРЭНК. Куда это вы направляетесь?

РИТА. Переезжаю к маме.

ФРЭНК. Что-то случилось?

П а у з а .

Рита!

РИТА. Прийдя домой после работы, я обнаружила свои вещи в этом чемодане. Он сказал, что, либо я перестану бывать у вас и принимать таблетки, либо могу убираться.

ФРЭНК. Ну...

РИТА. Это был ультиматум. Я пыталась объяснить ему, что мне это необходимо. Он не орал, просто сказал, что я спятила. И предала его. Наверное, так оно и есть на самом деле.

ФРЭНК. Каким же образом вы его предали?

РИТА. Предала, я это знаю. Знаю, что он прав. Но если бы я это не сделала, то предала бы саму себя.

П о м о л ч а в .

Он еще сказал, что всему есть свое время. И что в двадцать шесть лет замужней женщине поздно начинать учиться.

ФРЭНК поднимается с места, направляясь к Рите, которая по-прежнему отводит от него глаза.

ФРЭНК (помолчав). И где же вы собираетесь теперь жить?

РИТА. Я позвонила маме. Она сказала, что я могу побыть у нее неделю. А потом я сниму себе квартиру.

Начинает плакать.

Простите, я сейчас...

ФРЭНК (обхватывает ее за плечи и подводит к стулу). Ну прошу вас, сядьте.

РИТА (отталкивая его). Ничего, я в полном порядке, еще минутка – и все будет о'кей.

Вытирает слезы.

Ну, как вам понравился мой опус о «Макбете»?

ФРЭНК. К черту «Макбета».

РИТА. Это еще почему?

ФРЭНК. Рита!

РИТА. Нет, пожалуйста, давайте начнем заниматься, мне очень хочется узнать, что вы думаете о моем сочинении.

ФРЭНК. В сложившихся обстоятельствах...

РИТА (вешая сумку на спинку крутящегося стула Фрэнка). Все это неважно, не имеет никакого значения. И именно в сложившихся обстоятельствах мне очень нужно идти дальше, мне надо знать ваше мнение. Что я там написала? Я вас предупреждала, что это никуда не годится. Что, действительно, ерунда?

ФРЭНК усаживается на стул справа от двери.

ФРЭНК (вздыхая). Право, не знаю, что и сказать.

РИТА. Ну что-нибудь все-таки скажите. Давайте, не стесняйтесь, говорите прямо, это что – никуда не годится? Не надо жалеть меня, Фрэнк. Это никуда не годится?

ФРЭНК. Нет, нет, вовсе не так. Это очень искреннее и даже страстное изложение ваших впечатлений от спектакля. Такой безыскусный эмоциональный всплеск в связи с испытанным вами потрясением.

РИТА. Что, чересчур сентиментальный?

ФРЭНК. Нет, не сентиментальный. Для этого он слишком искренний. И даже почти – как бы это сказать – трогательный. Но в плане того, что предстоит вам на экзаменах и чему я должен вас научить... Не знаю, как вам это объяснить...

РИТА. Ну говорите же, говорите прямо!

ФРЭНК. Учитывая ваш будущий экзамен – ваша работа никуда не годится. Жаль, но это так. Но если отвлечься от экзамена – вы написали прекрасно.

РИТА (стоя рядом с Фрэнком и глядя на него в упор). Никуда не годится! Наконец-то вы это произнесли! Ну, так если это никуда не годится, то объясните, пожалуйста, почему это плохо, так как я хочу научиться писать не хуже, чем вот эти.

Показывает пальцем на кипу студенческих работ, лежащих на столе у Фрэнка.

Я должна научиться, должна сдать экзамен, как все нормальные студенты.

ФРЭНК. Если вы хотите научиться писать так, как пишут все они, вам нужно стать другой.

РИТА. Что я должна для этого сделать?

ФРЭНК (поднимается со стула). Но я вовсе не уверен, что мне хочется вам это объяснять, Рита, я даже не знаю точно, хочу ли я вообще чему-либо вас учить.

Идет к письменному столу.

Потому что вы слишком дорого стоите – такая, какая вы есть.

РИТА. Чего же я стою? По-моему, единственное, что и есть во мне стоящего, это то, что я прихожу раз в неделю сюда, к вам.

ФРЭНК. Неужели вы не понимаете, что если вы хотите научиться писать вот так...

Тычет пальцем на кипу работ у себя на столе.

...и сдать экзамены, и все прочее, то вам надо будет либо подавить, либо вовсе отказаться от своей индивидуальности. И мне придется в этом случае сделать все, чтобы вы стали другой.

РИТА. Да неужели вы не поняли, что именно этого я и хочу – стать другой! Послушайте, наконец, вы что, таким образом хотите дать мне понять, что я на это не способна, так? Что я ни на что не гожусь?

ФРЭНК. Дело не в этом...

РИТА. Если вы действительно так думаете, но боитесь сказать, то мне здесь больше нечего делать...

ФРЭНК отворачивается от нее.

ФРЭНК (отходя от письменного стола). Да нет же, вовсе нет. Разумеется, все у вас получится.

РИТА. Знаете, я прекрасно понимаю, как вам трудно иметь дело с таким человеком, как я. Но вы только подтолкните, а уж все остальное – я сама. Проявите твердость, без этого никуда не денешься. Не бойтесь меня огорчить. И если я пишу какую-нибудь чушь, не жалейте меня, так и говорите: чушь.

Берет свое сочинение.

Вот, это чушь.

Рвет его в клочья.

Ну и хорошо. Кидаем его в корзину...

Делает именно это.

...и начинаем все с самого начала.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

ФРЭНК сидит за пишущей машинкой и печатает. На минуту он прерывается, гасит в пепельнице окурки сигареты, отхлебывает из стоящего рядом стакана, смотрит на часы, затем продолжает печатать.

Дверь с шумом распахивается, и в комнату стремительно влетает РИТА. На ней новое платье, купленное в комиссионном магазине.

РИТА. Фрэнк!

Кружится, демонстрируя свою обновку.

ФРЭНК (улыбаясь). Это что еще за видение, возвратившееся из столицы на круги своя?

Встает со стула и устремляется навстречу Рите.

С возвращением!

РИТА. Фрэнк, это было невероятно!

Скидывает плащ, и отдает его Фрэнку, который вешает его на крючок у двери. РИТА подходит к письменному столу.

(Кладя на стол свою сумку). Нет, честно, это было что-то!

ФРЭНК. Да вы о чем – о Лондоне или о летней школе?

РИТА. И о том, и о другом. Мы всю неделю не расставались ни на минуту. Болтали без остановки, обежали весь Лондон, были и в пабах, и в театрах, накупили на распродаже кучу всякого подержанного тряпья, спать ложились за полночь... Ой, ну в общем...

ФРЭНК. Так значит, на работу времени уже не оставалось?

РИТА. На работу? Да мы все время работали. Знаете, как они нас гнали: сочинения, одно за другим. Просто покоя не давали.

ФРЭНК идет к письменному столу.

Хлоп, и еще какая-нибудь лекция. Но все равно там было замечательно!

Походит к книжным полкам и облокачивается на них.

ФРЭНК усаживается на свой крутящийся стул так, чтобы видеть ее лицо.

Вообще-то поначалу мне было жутко не по себе. Одна, никого вокруг не знаю. Даже сбежать хотела. Но в первый же день, когда я стояла в библиотеке, знаете, разглядывая книги и делая вид, что я много в них понимаю, ко мне подошел наш преподаватель, посмотрел на книгу, которую я держала в руках, и сказал: «Ага, так вам, стало быть, нравится Ферлингетти?» Я чуть было не выпалила: «Да, но только вместе с сыром Пармезан», но, хотите верить, хотите нет, я вовремя остановилась. И вместо этого вдруг услышала собственный голос, произносящий что-то вроде: «Честно говоря, я не слишком хорошо знаю американскую поэзию». В этот момент, Фрэнк, вы могли бы мной гордиться. И вот он начал говорить со мной об американских поэтах – и мы просидели за разговором целую вечность – а ведь он формально даже не был моим непосредственным преподавателем, можете себе представить? А потом мы вместе отправились в большой зал, слушать лекцию, народу там собралось тысячи две. После того, как лекция закончилась, профессор спросил, нет ли у кого-нибудь вопросов. И представьте себе, Фрэнк, тут встала я!

В с т а е т .

Богом клянусь, я встала с места, и все смотрели только на меня. Уж не знаю, какой дьявол в меня вселился, я и рада бы сесть обратно, но ведь две тысячи человек видели, как я встаю, и я это сделала, я задала ему вопрос!

П а у з а .

ФРЭНК ждет продолжения.

ФРЭНК. И что же было дальше?

РИТА. А что должно было быть дальше?

ФРЭНК. Ну, что за вопрос вы ему задали?

РИТА. Ой, я уже не помню, потому что потом я всю неделю задавала вопросы, просто остановиться не могла. Кажется, тот первый вопрос касался Чехова. Сами понимаете, Чехова-то я уж как-нибудь знаю.

ФРЭНК улыбается. РИТА подходит к стулу рядом с письменным столом и садится. ФРЭНК поворачивается так, чтобы видеть ее лицо.

Ну, а как вам Франция? Сказали бы хоть пару слов.

ФРЭНК. Да рассказывать особенно нечего.

РИТА. Как это нечего, ну хоть что-то: я ведь никогда не была за границей. Ну, чем она знаменита, а?

ФРЭНК. Было довольно жарко...

Предлагает ей сигарету.

РИТА. Нет, нет, я теперь не курю. А вы что, выпили?

ФРЭНК. Немножко.

Кладет сигареты на стол.

РИТА. Понятно. А что вы тут писали?

ФРЭНК. Так, ничего особенного.

РИТА. Покажете?

ФРЭНК. Может быть... Может, когда-нибудь покажу.

РИТА. Стало быть, вы тут немножко писали, немножко выпивали. Что еще вы делали?

ФРЭНК (будничным тоном). От меня ушла Джулия.

РИТА. Что?

ФРЭНК. Представьте себе. Но разумеется, не из-за пригоревшего гарнира, не думайте. На самом деле все произошло из-за oeufs en cocotte.

РИТА. Это что еще такое?

ФРЭНК. Яйца, всего-навсего яйца. Дело в том, что матушка-природа, в великой мудрости своей, обрекла меня на нелюбовь к яйцам – в любом виде, будь то яйца en cocotte, то есть всмятку, или же яйца по-флорентийски, или по-бенедиктински, или всего-навсего вкрутую. Джулия утверждала, что природа совершила ошибку. Я настаивал на том, что природа всегда права. В результате этой дискуссии Джулия была вынуждена со мной расстаться.

РИТА. И все из-за яиц?

ФРЭНК. Ну – скажем так, дискуссия о яйцах была лишь началом.

Закрывает пишущую машинку и отодвигает в сторону.

Так что, это основное событие, которым было отмечено наше пребывание во Франции. Так или иначе, каникулы закончились, вы вернулись, и даже Джулия тоже вернулась.

РИТА. Так она вернулась? И все в порядке?

ФРЭНК. В полном порядке.

Ставит машинку на подоконник, а странички со стихами кладет в ящик стола.

И теперь – у меня такое чувство, что мы проживем вместе всю жизнь. Во всяком случае, до той поры, пока ей не придет в голову мысль изготовить oeufs a la cressu.

РИТА. Это что же, снова яйца, я слышала что-то такое от Триш.

ФРЭНК. Кто это, Триш?

Рита. Ну Триш, мы с ней вместе снимаем квартиру. О господи, Фрэнк, неужели мы с вами так давно не виделись? Она переехала ко мне как раз перед летними каникулами.

ФРЭНК. Понятно. И что, оказалась хорошей соседкой?

РИТА. Колоссальной! Просто первый класс. Знаете, Фрэнк, у нее есть настоящий вкус, совсем как у вас, правда. У нас все очень просто, только книги и цветы. Я хочу сказать вам, Фрэнк, сейчас самая лучшая пора в моей жизни, я это знаю, чувствую. Я даже начала ощущать себя молодой...

Выглядывает в окно.

...такой же, как они там, внизу.

ФРЭНК. Но, дорогая моя, двадцать шесть лет вряд ли можно счесть старостью.

РИТА. Да, конечно, но я имею в виду, что я кажусь себе такой же, как ваши ребята – оказывается, я еще способна это ощутить...

Подходит к своей сумке.

Да, совсем забыла...

Ставит сумку на стол и начинает в ней копать, наконец извлекает какую-то коробочку.

Я ведь привезла вам из Лондона подарок – ничего особенного, но я просто подумала...

Протягивает коробочку Фрэнку.

Вот.

ФРЭНК надевает на нос очки, извлекает из ящика стола ножницы, разрезает ленточку и, открыв коробочку, достает оттуда роскошную ручку.

Посмотрите – там есть надпись, читайте.

ФРЭНК (читая). «Только для стихов. Строжайшим образом. Рита»...

Смотрит, на Риту.

РИТА. Я решила, что это будет такой деликатный намек.

ФРЭНК. Деликатный, говорите?

РИТА. Если вы захотите написать этой ручкой письмо или просто записку, у вас ничего не получится: вы прочитаете мою надпись и почувствуете себя ужасно виноватым – потому что не пишете стихов.

Улыбается, глядя на Фрэнка.

ФРЭНК (вставая с места и шутливо чмокая ее в щечку). Спасибо, Рита.

Садится обратно.

РИТА. Не стоит благодарности. Ну продолжим.

Потирает руки.

Так чем мы займемся в этом семестре? Давайте начнем с какого-нибудь совершенно замечательного поэта. Пошли, проведем урок прямо там, внизу.

ФРЭНК (ошеломление). Где внизу?

РИТА (беря в руки сумку). Ну там – на травке – пошли.

ФРЭНК. На травке? Но никто в это время года не сидит на травке.

РИТА. Еще как сидят...

Выглядывает в окно

– вот они, сидят и сейчас.

ФРЭНК. Ну так промочат себе задницу.

РИТА. Хорошо, мы можем сесть на скамейку.

Пытается поднять его со стула.

Ну пошли.

ФРЭНК (продолжая сидеть). Рита, я решительно против этой затеи.

РИТА. Но почему?

ФРЭНК. Я как Дракула. Испытываю отвращение к солнечному свету.

РИТА. Да ладно вам.

В з д ы х а е т .

Как хотите.

Направляется к окну.

Тогда давайте хотя бы откроем окно.

ФРЭНК. Ну если вам так хочется, валяйте, не смею мешать.

Разворачивает свой стул так, чтобы видеть ее.

РИТА (изо всех сил стараясь открыть окно). Черта с два его сдвинешь с места.

ФРЭНК. Меня это несколько не удивляет, моя милая. Его не открывали уже десятки лет.

РИТА (отворачиваясь). Ну и пусть. Но вам необходим свежий воздух, Фрэнк. Комнату надо проветрить.

Подходит к двери и распахивает ее настежь.

ФРЭНК. Благодарю, но моя комната вовсе не нуждается в проветривании.

РИТА. Нуждается, черт побери. Комната – она как цветок.

ФРЭНК. Как цветок?

РИТА. Вот именно, ей тоже нужен свежий воздух.

Подходит к стулу, рядом с письменным столом Фрэнка и садится.

ФРЭНК. Тогда, может быть, ее надо еще и поливать?

Встает и закрывает дверь.

Если уж проводить аналогии, надо доводить их до логического конца. Польем ковер из лейки, принесем тонны две чернозема, можно добавить немного удобрений. Или давайте обрежем черенки и привьем их в других комнатах.

РИТА. Давайте, чего уж там, если вы совсем спятили.

ФРЭНК. Но вы сами совершенно определенно сказали, что комната – как цветок.

РИТА. Ну?

П а у з а .

ФРЭНК. Что «ну»?

РИТА. «Ну» означает, что любую аналогию можно довести до абсурда.

ФРЭНК. Разумеется. Причем, некоторые даже быстрее, чем вы думаете.

Улыбаясь, подходит к книжным полкам и начинает что-то искать среди книг.

Посмотрим, посмотрим... Вам угодно было какого-нибудь замечательного поэта – ну, вот этот, к примеру...

РИТА усаживается за стол, наблюдая за действиями Фрэнка.

Я давно уже собирался вам его почитать.

Пока он копается в книгах, одна из книг падает, за ней обнаруживается бутылка с виски.

Ну где же он?

РИТА. Все пьете эту гадость?

ФРЭНК. А что, разве я когда-нибудь вам говорил, что бросил пить?

РИТА (вынимая бутылку с полки). Нет. Но...

ФРЭНК. Что «но»?

РИТА. Зачем вам это, Фрэнк, ведь у вас столько интересных и важных занятий?

ФРЭНК. Именно затем, что у меня, как вы изволили заметить, «столько интересных и важных занятий». Понимаете, Рита, жизнь – это такой стремительный и такой жестокий водоворот, что мне обязательно надо иногда приложиться к бутылке, чтобы хоть как-то удержаться на поверхности.

РИТА. Но ведь это убивает вас, Фрэнк.

ФРЭНК. Послушайте, Рита, мне никогда не приходило в голову, что вы возьметесь за мое воспитание.

РИТА. Да я и не собиралась. Просто я...

ФРЭНК. Что «просто я»?

РИТА. Просто я решила, что вы сами возьметесь за свое воспитание.

ФРЭНК. Вы хотите сказать – под вашим благотворным влиянием?

ОНА пожимает плечами.

(Бросает свои поиски и оборачивается лицом к Рите). Ну, предположим. Предположим, я раскаюсь в содеянном и даже встану на путь истинный – ну а что будет, когда ваше влияние закончится? Когда вас здесь больше не будет? Что мне прикажете делать, когда, с совершенно трезвой головой, я увижу, как вы уйдете отсюда навсегда, исчезнете, как будто никогда не появлялись?

РИТА. А кто вам сказал, что я собираюсь исчезнуть?

ФРЭНК. Но это же неизбежно, Рита. И тут уж ничего не поделаешь.

Снова поворачивается лицом к полкам.

РИТА. Да почему же я должна исчезнуть? Учеба продлится несколько лет, а когда я кончу курс, то, может быть, поступлю в настоящий университет, прямо здесь.

ФРЭНК. И заживем мы в счастье и согласии, так что ли? Нет, Рита, ваш уход столь же неизбежен, как... как...

РИТА. Как финал в «Макбете»?

ФРЭНК *(улыбнувшись)*. Да, как в трагедии. Но в нашем случае это не будет трагедией, напротив, я с радостью провожу вас.

РИТА. Ясно. Премного благодарна.

Пауза.

Что, так уж и с радостью?

ФРЭНК. Да, с радостью. Вы что же думали я бы предпочел, чтобы вы оставались в этой комнате до конца своих дней? Ну хватит об этом.

Снова начинает копаться в книгах.

РИТА *(помолчав)*. Иногда вы говорите ужасно грустные вещи. Еще несколько минут тому назад я чувствовала себя бесконечно счастливой, а вот теперь, после ваших слов, у меня такое ощущение, будто я провела целую ночь в одной комнате с покойником.

ФРЭНК наконец находит нужную ему книгу.

ФРЭНК. Ну вот, это вас немножко развлечет – вполне «замечательный» поэт Блейк.

РИТА. Блейк? Уильям Блейк?

ФРЭНК. Он самый. Вы должны его оценить, Рита, обычно его любят изображать каким-то заумным и непонятным – но вы его поймете и полюбите.

РИТА. Уже.

ФРЭНК. Что «уже»?

Раскрывает книгу.

Вот, например...

Отдает том Блейка Рите, а сам снова усаживается на свой крутящийся стул.

РИТА *(читает наизусть)*.

О роза, ты больна!

Во мраке ночи бурной

Разведал червь тайник

Любви твоей пурпурной.

И он туда проник,

Незримый, ненасытный,

И жизнь твою сгубил

Своей любовью скрытной*²

ФРЭНК. Так вы читали Блейка?

РИТА *(смеясь)*. Можете себе представить!

Бросает книгу на стол; стоит, облокотившись на полку с книгами.

Мы проходили его в летней школе.

ФРЭНК. Блейк в летней школе? Но это вроде не входит в программу, разве не так?

*² — * *пер. В.А. Потановой*

РИТА. Так. Но у нас был один преподаватель, он на Блейке просто помешан. Говорил о нем каждый день. Вообще, о чем бы он не заговаривал, в итоге все равно все сводилось к Блейку – даже пообедать он не мог, не вспомнив Блейка – например, Блейк и чипсы. Впрочем, он действительно его здорово знает. А в последний день мы сделали ему подарок с надписью этого самого стихотворения «Больная роза». Только мы его чуть-чуть изменили:

Ты роза не больна –
Тоска тебя гнетет,
И злой садовник старый
Твоей кончины ждет.

Мы боялись, что он пошлет нас к черту, но нет, ему даже понравилось. Он сказал – что же он сказал? А, вот: «Пародия – это похвала, скрытая юмором».

ФРЭНК (поднимаясь со стула и ставя книгу на место). Стало быть, вы и Блейка уже знаете? И что же, вы прочитали весь цикл «Песен неведения и познания»?

РИТА. Ну конечно! Разве без этого цикла можно узнать Блейка по-настоящему?

ФРЭНК. Ну, разумеется, нельзя.

Возвращается и снова опускается, на свой стул.

З а т е м н е н и е

РИТА берет сумку, плащ и выходит из комнаты.

Картина вторая

ФРЭНК сидит за своим столом и проверяет студенческие сочинения. Время от времени начинает чертыхаться и что-то писать на полях. Раздается стук в дверь.

ФРЭНК. Войдите.

В комнату входит РИТА, закрывает за собой дверь, идет к столу и швыряет на него сумку. Берет стул, ставит его напротив Фрэнка, садится.

РИТА (в ее голосе слышится что-то необычное). Привет, Фрэнк.

ФРЭНК (не поднимая глаз). Привет, Рита, вы опоздали.

РИТА. Знаю, Фрэнк. Мне очень жаль, но это не от меня зависело.

ФРЭНК (отрываясь от своих бумаг). Неужели? А что это у вас с голосом?

РИТА. С голосом все в порядке. Просто я решила научиться разговаривать как подобает леди. Триш говорит, что невозможно рассуждать об изящной словесности столь безобразным голосом.

ФРЭНК. Но у вас вовсе не безобразный голос. Во всяком случае, он не был безобразным до сих пор. Пожалуйста, продолжайте говорить по-человечески.

РИТА. Но я и говорю по-человечески. Просто мне необходимо постоянно упражняться.

ФРЭНК. Вы хотите сказать, что, отныне намерены разговаривать таким голосом до конца нашего курса?

РИТА. А Триш считает, что, как бы мне не было трудно, я должна терпеть.

ФРЭНК. Не будете ли вы так любезны передать вашей Триш, что я не даю уроков роботам.

РИТА. Да никакой я не робот!

ФРЭНК (жалобно). Прошу вас, Рита, хватит!

РИТА. Но, Фрэнк, мне это совершенно необходимо.

ФРЭНК. Рита! Ради бога – будьте сами собой!

РИТА (нормальным голосом). Хорошо, хорошо.

Встает и отодвигает свой стул на обычное место.

ФРЭНК. А это еще что такое?

РИТА. Что именно?

ФРЭНК. Чем это вы испачкались?

РИТА (вставая со стула). А, это земля.

ФРЭНК. Земля?

РИТА. Ну да. Я приехала сюда сегодня очень рано. И немножко поболтала со студентами – там, на лужайке.

Садится на свое постоянное место.

ФРЭНК. Вы – разговаривали со студентами – на лужайке?

РИТА (смеясь). Почему вас это так изумило? Я теперь умею разговаривать, Фрэнк.

ФРЭНК. Да насколько это меня не изумило. Ну и что же? Вы ведь раньше их боялись как огня, скажете, нет?

РИТА. Сама теперь этому удивляюсь. Оказывается, они несут такую чушь?

ФРЭНК. Можно подумать, это для меня большая новость!

РИТА. Я и завела-то разговор, потому что, проходя мимо, услышала, как кто-то из них сказал, что он, видите ли, предпочитает «Сыновьям и любовникам» «Леди Чаттерли». Ну, я и подумала, либо пройду мимо, будто ничего не слышала, либо скажу им все, что думаю. И сказала. Подошла поближе и говорю: «Прошу прощения, но до меня случайно донеслась эта чушь, которую вы несете про Лоуренса». Вы бы видели их лица, Фрэнк! Но я на этом не остановилась... Сравнить «Сыновья и любовники» и «Леди Чаттерли», – сказала я – это все равно, что ставить в один ряд шипучку и шампанское. Тут началась бурная дискуссия и я оказалась в самом пекле.

ФРЭНК. Вы кажется сказали, что этот студент осмелился отдать предпочтение «Леди Чаттерли» как роману.

РИТА. Именно так.

ФРЭНК. В таком случае, это не значит, что он утверждал, будто «Леди Чаттерли» лучше, чем «Сыновья и любовники».

РИТА. Сначала он этого не говорил, но потом сказал и это. Прямо так и заявил, открытым текстом...

ФРЭНК. Ну и тут уж, Рита, вы его окончательно добились?

РИТА. Фрэнк, но ведь он же сам напрашивался. Просто настоящий идиот. И все его доводы ни к черту не годятся. Не только я так думаю, все со мной согласилось...

ФРЭНК продолжает читать чье-то сочинение.

Но там еще был один, ну точно, ненормальный. Через пять минут он уже пригласил меня поехать с ним за границу. Оказывается, они все собираются рождественские каникулы провести на юге Франции, пошататься по маленьким городкам.

ФРЭНК. Вы не можете ехать.

РИТА. Это почему?

ФРЭНК. Вы не можете ехать – у вас на носу экзамены.

РИТА. Но у меня экзамены еще до Рождества.

ФРЭНК. Да – но, вам же надо дожидаться объявления результатов...

РИТА. Ладно. Все равно никуда я не поеду.

ФРЭНК. Почему все равно не поедете?

Смотрит на Риту.

РИТА. Это только для них все так просто. Сел в поезд и нет проблем. Я так не могу.

ФРЭНК снова погружается в свою работу.

Тайгер его имя, этого полоумного. То есть на самом деле его зовут Тайсон, это они прозвали его Тайгером.

ФРЭНК (отрываясь от чтения). А стоит ли мне дальше заниматься вот этим?

Показывает на лежащее перед ним сочинение.

РИТА. То есть?

ФРЭНК. Ну, какой смысл во всей этой подготовке к экзаменам, коль скоро вы решили влюбиться и отправиться на юг Франции...

РИТА (потрясенная). Что вы сказали? Влюбиться? Да в кого? Бог ты мой, Фрэнк, да я просто поболтала с несколькими студентами. Знаете, это просто смешно.

ФРЭНК. Ну хорошо, тогда перестаньте нести всякую чепуху про мистера Тайсона.

РИТА. Да я и не думала о нем говорить.

ФРЭНК продолжает читать сочинение Риты.

Ну как?

ФРЭНК. Ну что вам сказать – не хуже всех остальных

Кладет Ритину работу на стопку других сочинений.

РИТА. Честно?

ФРЭНК. Клянусь!

З а т е м н е н и е .

ФРЭНК выходит из комнаты.

Картина третья

РИТА сидит у окна в кресле, читая внушительных размеров книгу.

Входит ФРЭНК, с портфелем в руках. Он в стельку пьян.

ФРЭНК. К черту – нет, пошли они все!.. Что скажете, Рита!

Подходит к письменному столу.

РИТА. Это вы о ком?

ФРЭНК. Вы бы их тоже послали, правда, Рита? Вы бы им объяснили по буквам, куда им следует отправиться...

Достает из портфеля бутылку виски.

РИТА. Кому я должна это объяснять, Фрэнк?

ФРЭНК. Да-с – студенты – они на меня настучали!

Подходит к книжным полкам и ставит бутылку рядом с книгами.

На меня! Изволили написать жалобу – как вам это нравится, а? Они изволили написать жалобу, а между тем, это была лучшая лекция во всей моей жизни.

РИТА. Вы провалились?

ФРЭНК. Провалился? Я блистал! Даже два раза свалился с кафедры.

Подходит к письменному столу.

РИТА. Ну и что теперь, вас уволят?

ФРЭНК (ложится на пол, ничком). Меня уволят? Никогда! Ведь для этот им нужно будет принять решение. Просто выставят на посмеище. Чтобы быть уволенным, надо было отмочить что-нибудь посерьезней. А это просто студенты написали кляузу.

РИТА поднимается с места и направляется к Фрэнку.

Нет, это расценят как мелкий проступок, вот и все. Вот если бы я грабанул университетскую кассу – тогда уж точно бы уволили... Они предложили мне отпуск – на год – или на десять лет – где-нибудь в Европе или в Америке. Я сказал, что мне бы больше подошла Австралия – но они не поняли...

РИТА. Слушайте, Фрэнк вы сошли с ума!

ФРЭНК. То есть, шизанул, – совершенно с вами согласен.

РИТА. Даже если вам наплевать на себя, подумайте хоть о студентах!

ФРЭНК. А почему я, собственно, должен о них думать?

РИТА. Ну, наверное, не очень это красиво выглядит, если преподаватель сваливается с кафедры на глазах у всех?

Подходит к стулу, стоящему рядом с письменным столом и кладет книгу, которую она читала, к себе в сумку.

ФРЭНК. Может, я и свалился, милочка, но я не переставал ни на минуту говорить, – и когда я поднялся, я тоже говорил – ни одного словечка не перепутал – так на что же они жалуются?

РИТА. Но, может, они это сделали для вашей же пользы?

ФРЭНК. А может, и потому, что они – всего лишь сброд трусливых самодовольных тупиц, которым плевать на поэзию, даже если вколачивать ее им в голову палкой.

П р и в с т а л .

«Ассонанс – сказал я им – это неправильная рифма».

Снова падает на пол.

А они посмотрели на меня так, будто я осквернил усыпальницу Уильяма Вордсворта.

РИТА. Ну хорошо, Фрэнк, мы поговорим о моем сочинении про Блейка на следующей неделе, идет?

ФРЭНК. А куда это вы собрались? Нет, извините, у нас урок.

Поднимается и, шатаясь, идет к ней навстречу.

РИТА. Но, Фрэнк, вы не можете проводить урок в таком состоянии. Давайте перенесем разговор о моем сочинении на следующую неделю.

ФРЭНК. Нет – никогда – прошу вас стать. Смотрите сюда – вот я уже трезв, как стеклышко!

Делает глубокий вдох и старается взять себя в руки.

Как стеклышко! Поехали...

Обнимает Риту и усаживает на свой крутящийся стул около письменного стола.

Вы не можете уйти вот так. Нам надо поговорить о вашем сочинении про Блейка. Что это вы такое придумали, Рита?

РИТА. А что, что-нибудь не так?

ФРЭНК. Да вот, к примеру, пассаж, посвященный стихотворению «Цветок», где вы утверждаете, что оно, оказывается, несет мотив сексуальности.

РИТА. Но это же так и есть!

ФРЭНК. Неужели?

РИТА. Ну, конечно, ведь если интерпретировать его с этой точки зрения, смысл окажется много шире, чем считалось до сих пор.

ФРЭНК. Шире? Да для чего, собственно, он должен оказаться «шире»? Это всего-навсего прелестное и вполне бесхитростное стихотворение о цветке, причем, цветке, увиденном глазами ребенка.

РИТА (пожимая плечами). В каком-то смысле, да. Но разве оно не похоже на то стихотворение про розу, и разве его содержание не становится значительно глубже, если рассмотреть его на разных уровнях...

ФРЭНК. Послушайте, Рита, «Цветок» – это прелестное бесхитростное стихотворение...

РИТА. Ну да, Фрэнк, это вы уже говорили, но и Триш, и я, и некоторые другие люди тоже, с которыми мы вчера вечером обсуждали поэзию Блейка, пришли к заключению, что в ней, помимо того, что лежит на поверхности, всегда есть еще что-то...

ФРЭНК. Ну, говорите, что же еще там есть, очень даже интересно...

РИТА (старательно формулируя свою мысль). Есть еще и некий скрытый смысл. Я хочу сказать, что если бы это было просто стихотворение о цветке, и ничего больше, то вряд ли оно представляло такой уж интерес, как вы считаете?

ФРЭНК. Понятно. Значит, вы полагаете, что вы его как бы переводите в ранг высокой поэзии, давая ему именно такую интерпретацию?

РИТА (слегка вызывая). Так, собственно, какие ошибки вы обнаружили в моем сочинении, Фрэнк?

ФРЭНК. Дело не в ошибках, Рита. Просто оно мне не понравилось, вот и все.

РИТА. Вы проявляете субъективность, Фрэнк.

ФРЭНК (с иронией). Боюсь, что вы правы.

Медленно последит к стулу, стоящему слева от письменного стола, и тяжело опускается на него.

РИТА. А если бы я написала такое на экзамене, что бы вы мне поставили?

ФРЭНК. Поставил бы высший балл.

РИТА. Ну так какого черта вам от меня еще надо?

ФРЭНК (пожимая плечами). Я просто пытаюсь объяснить вам, что на сегодняшний день это вполне приемлемые. расхожие суждения о Блейке, но в них нет ничего от вас, Рита.

РИТА. А может быть. Фрэнк, это от вас в них ничего нет?

ФРЭНК (помолчав). Да. вполне может быть, что и так.

РИТА. Когда я пришла к вам, Фрэнк, вы не навязывали мне никаких готовых суждений, вы заставляли меня доходить до всего самой, вы разрешали мне иметь собственное мнение.

ФРЭНК (мягко). Конечно, Рита, я и сейчас по-прежнему вполне высоко ценю ваши собственные мысли, но то, что вы здесь написали, – не есть ваши мысли, Рита, поймите...

РИТА. Но вы же говорили, что я не должна высказывать собственную точку зрения. Вы требовали от меня объективности и ссылок на общепризнанные авторитеты. Ну так вот, я и ссылаюсь, чего вам еще надо? Я разговаривала с разными людьми, я прочитала кучу книг и, сопоставив все услышанное и прочитанное, пришла к такому выводу.

ФРЭНК смотрит на нее.

ФРЭНК (после паузы). Да, конечно, наверное, вы правы, РИТА (срывающимся голосом). Подождите, Фрэнк, ну разве я должна на сто процентов придерживаться ваших взглядов на того же Блейка, разве я не имею права на собственную точку зрения?

ФРЭНК. Ну конечно же, имеете.

РИТА. Так что же тогда означает все, что вы тут наговорили?

ФРЭНК. Только одно – не теряйте голову.

РИТА вскакивает со своего стула и направляется к Фрэнку.

РИТА (рассерженно). Это как прикажете понимать – не теряйте голову? Я вполне отвечаю и за свои слова, и за свои поступки. Это что же – теперь, когда я чему-то научилась, когда я могу читать настоящие книги, не прибегая каждые пять минут к вам за разъяснениями, вы заявляете мне, чтобы я не теряла голову?

Мечется по комнате.

ФРЭНК. Но это только потому, что я думаю о вашем же благе, Рита, и хочу, чтобы вы думали о нем тоже...

РИТА. Не надо...

Подходит вплотную к Фрэнку.

Пауза.

И я – я тоже думаю о вашем благе, Фрэнк... Но сейчас вы должны – вы должны на какое-то время предоставить меня самой себе. Я больше не та дура. Фрэнк, какой пришла сюда когда-то – и не надо все время водить меня за ручку... Я уже могу что-то сделать сама... И я не потеряю головы, Фрэнк, я знаю, что делаю. Но только – прошу вас – не надо обращаться со мной, как раньше, как вы привыкли. Я многому научилась, Фрэнк, – и я уже не перепутаю Сомерсета Моэма с Гарольдом Роббинсом. А вы по-прежнему продолжаете думать, будто я и сейчас без ума от «Рубиновых джунглей».

Походит к вращающемуся стулу и садится.

Просто... Вы ведь поняли, Фрэнк, о чем я говорю?

ФРЭНК. Да, моя дорогая, вполне.

РИТА. Простите меня.

ФРЭНК. Вовсе не за что.

Помолчав.

Между прочим, я прочитал эти ваши «Рубиновые джунгли». Знаете, превосходный роман!

РИТА (смеясь). Да ну вас, Фрэнк. Роман, конечно, по-своему интересный, но вряд ли его можно назвать превосходным.

Затемнение.

РИТА выходит.

Картина четвертая

ФРЭНК сидит на своем крутящемся стуле. В комнату входит Рита. Подходит к письменному столу.

РИТА. Фрэнк...

Он смотрит на часы.

Ну знаю, я опоздала. Прошу прощения.

ФРЭНК встает и отходит в противоположную от Риты сторону.

Я вас очень задержала. Но мы заговорились, и я не обратила внимания, что уже так поздно.

ФРЭНК. Заговорились?

РИТА. Да. В свое оправдание могу сказать, что речь шла о Шекспире.

ФРЭНК. А, понятно... Я так и думал.

РИТА. Так что, вы уже не сможете со мной позаниматься? Ну хорошо. На следующей неделе я обещаю прийти вовремя.

ФРЭНК. Рита... Не уходите...

РИТА. Нет, серьезно, Фрэнк, вы ведь напрасно потеряли столько времени. Так до следующей недели, согласны?

ФРЭНК. Сядьте, Рита!

РИТА подходит к своему постоянному месту и садится.

(Подходя к ней). Я вас ждал, вас все не было, и я позвонил в вашу контору.

РИТА. Какую еще контору?

ФРЭНК. Ну, в парикмахерскую, где вы работаете. Точнее, раньше работали.

РИТА. Я давно ушла из парикмахерской. Теперь я работаю в бистро.

ФРЭНК. Вы мне ничего не рассказывали.

РИТА. Неужели? А мне казалось, что я вам говорила. Кому-то я это точно говорила.

ФРЭНК. Не мне.

РИТА. А, ну извините.

Пауза.

Я что-то сделала не так?

ФРЭНК (помолчав). Я вдруг понял, что когда-то вы мне рассказывали абсолютно все.

РИТА. Я была уверена, что сказала вам.

ФРЭНК. Неправда. Хотите выпить?

РИТА. Да и кому какое дело, служу я в парикмахерской или в бистро?

ФРЭНК. Мне есть до этого дело.

Подходит к книжным полкам и извлекает из-за книг очередную бутылку.

Так не хотите выпить? Ну, а я приложусь, если вы не против.

РИТА. Да какая вам разница, где я работаю? Это все мелочи, скучные и не имеющие решительно никакого значения.

ФРЭНК (беря с маленького столика стакан). Ах вот оно что? Весьма любопытно.

РИТА. Именно поэтому я больше не могла оставаться в парикмахерской: там все сводилось к таким скучным и бессмысленным мелочам, и конца им не было видно... Извините, но давайте кончим. Не имею ни малейшего желания говорить больше об этой ерунде.

ФРЭНК. Ну, а о чем же вы говорите в своем бистро? Желаете доброго здоровья вашим клиентам?

РИТА. Говорим обо всем на свете.

ФРЭНК. Обо всем на свете?

РИТА. Представьте себе.

ФРЭНК. Уже представил.

РИТА. Мы разговариваем о важных вещах, Фрэнк, а все скучное и несущественное оставляем тем, кому это интересно.

ФРЭНК. А что, мистер Тайсон тоже входит в число ваших посетителей?

РИТА. У нас бывает много студентов, и он тоже. Надеюсь, Фрэнк, вы не собираетесь снова давать мне наставления?

ФРЭНК. Какой в этом толк, если бы и собирался?

РИТА. Так вот, чтоб вы знали, Фрэнк, я считаю Тайгера совершенно очаровательным, равно как и многих других, с кем я общаюсь. Они молоды, и их пыл не растрачивается по мелочам. И они ничем не скованы – именно потому, что очень молоды. И мне с ними хорошо.

ФРЭНК (отходя от стола и стоя к Рите спиной). Может быть – может быть, вам больше не стоит тратить время на меня?

РИТА. Не говорите глупости, Фрэнк. Мне очень жаль, что я сегодня опоздала.

Помолчав, встает.

Простите, но мне надо идти. В семь у меня назначена встреча с Триш. Мы смотрим сегодня «Чайку».

ФРЭНК. Что ж.

Поворачивается к Рите лицом.

Надо так надо – Чехов не может ждать...

РИТА. Ну ладно вам...

ФРЭНК. А здесь, насколько я понимаю, вам уже каждая лишняя минута в тягость?

РИТА (делая шаг к нему). Это неправда, Фрэнк. Просто мне пора в театр.

ФРЭНК. На прошлой неделе вы вообще не пришли. Лишь сообщили по телефону, что занятия отменяются.

РИТА. Ну да – но сейчас столько всего интересного... Стало трудно выбирать...

ФРЭНК. Так я и предлагаю вам, Рита, может быть, больше не стоит...

РИТА (глядя на Фрэнка в упор). Ради всего святого, я не хочу бросать наших занятий. И мне необходимо бывать здесь. А кроме того, мне же надо будет сдавать экзамены, вы что, забыли?

ФРЭНК. Ну, на этот счет я теперь совершенно спокоен. С экзаменами у вас не будет никаких проблем. И пожалуйста, не делайте вид, будто вы мне чем-то сильно обязаны, такая сентиментальность совсем вам не идет.

Подходит к столу с другой стороны.

Я бы предпочел, чтобы от этого вы меня избавили.

П л е т .

РИТА. Если бы вы могли хоть на минуту оторваться от этой дряни, которую вы лакаете, надеясь, что снова превратитесь в поэта, и были бы способны разговаривать о том, что действительно важно, а не о всякой ерунде, типа того, где я работаю и где я не работаю, – то мне и в самом деле хотелось бы приходить сюда, как это было раньше.

ФРЭНК. А вы, Рита, оказывается научились различать, что, действительно, важно, а что, как вы говорите, ерунда?

РИТА. Я научилась делать литературный анализ, Фрэнк. И мне кажется, что именно на нем нам и следует сосредоточиться, иначе мне действительно нет смысла сюда приходить.

ФРЭНК. Так вы желаете заниматься литературным анализом? Извольте.

Смотрит на Риту несколько мгновений, затем подходит к письменному столу, извлекает из верхнего ящика два тоненьких томика и несколько машинописных страниц со стихами и протягивает все это Рите.

Прошу вас написать об этом к следующей неделе.

РИТА. А что это такое?

ФРЭНК. И пожалуйста – никаких сантиментов, никакой субъективности. Чистый анализ. Критическое исследование творчества одного малоизвестного английского поэта. Этот поэт – я.

З а т е м н е н и е .

РИТА выходит из комнаты.

Картина пятая

ФРЭНК сидит около окна со стаканом в руке, слушает радио. Рядом на подоконнике стоит бутылка виски. Раздается стук в дверь.

ФРЭНК. Войдите.

Входит РИТА и направляется к письменному столу.

РИТА. Вы трезвый, или как?

ФРЭНК. Если вы имеете в виду, способен ли я еще воспринимать звуки человеческой речи, то да, вполне.

РИТА (подходя вплотную к Фрэнку). Мне бы хотелось, чтобы вы меня выслушали в трезвом состоянии.

Достает его стихи.

Они изумительны. Фрэнк, вы должны писать стихи.

Подходит к вращающемуся стулу и садится.

Они изумительны. В них столько ума. Глубины. Чувства стиля.

ФРЭНК (подходя к маленькому столику и ставя на него свой стакан). Да... говорите, говорите еще...

РИТА. Они, действительно, прекрасны. Это не только мое мнение, Фрэнк. Мы с Триш говорили о них весь прошлый вечер. Она думает о них то же самое. Почему вы бросили писать? Мы не ложились спать почти всю ночь, говорили о ваших стихах. Сначала нам показалось, что это типично современная поэзия, знаете, нечто присущее лишь нашему столетию, но потом поняли, что в них есть что-то большее, что-то особое... Как это Триш выразилась? В их звучании прослеживается связь с традициями, идущими из девятнадцатого века, по вложенным в них мыслям, по возникающим ассоциациям...

ФРЭНК (подходя к столу слева). Хм, это великолепно, Рита. Какое счастье, что я не дал почитать их вам раньше. Представьте только, что бы вы сказали, если бы прочли мои стихи в начале нашего знакомства?

РИТА. Представить не трудно... Я бы ничего не поняла в них, Фрэнк.

ФРЭНК. Вы бы, наверное, сочли их никуда не годным дерьмом и швырнули бы их мне в морду?

РИТА (смеясь). Наверное, Фрэнк... Но а действительно не могла тогда их оценить, потому что заключенные в них ассоциации были мне недоступны.

ФРЭНК. Так я неплохо над вами поработал, а, Рита?

РИТА. Неплохо, Фрэнк. Теперь я это поняла.

ФРЭНК. Знаете, Рита, я решил – я решил тоже поменять имя. И с сегодняшнего дня я буду настаивать на том, чтобы меня называли Мери – Мери Шелли – как вам нравится такая ассоциация, Рита?

РИТА. Что вы хотите сказать?

ФРЭНК. Разве непонятно – она же написала такой романчик, в духе готики, помните – «Франкенштейн»?

РИТА. И что дальше?

ФРЭНК. Только одно: все это...

Берет в руки свои стихи.

Весь этот набор ловко и достаточно изобретательно натасканных отовсюду, как вы выразились, ассоциаций – на самом деле – лишь куча бессмысленного и бездарного дерьма, и это понятно любому, в ком сохранилась хоть капля здравого смысла. Мои стихи принадлежат к тому разряду книг, что приносят издателю дурную репутацию. Ум? Да вы найдете больше ума в телефонной книге, а может быть, и больше глубины тоже. Единственное преимущество этих книжечек по сравнению с телефонным справочником, что их намного легче порвать.

Рвет книжки в клочья, разбрасывает их по всей комнате.

Тут нет ни индивидуальности, ни стиля – лишь очень много претензий, вот и все.

РИТА. Это неправда.

ФРЭНК. Я вовсе не жду, что вы мне поверите, Рита, ведь вы теперь сами умеете различать литературные шедевры, не так ли?

Швыряет в воздух последнюю горстку своих разорванных стихов и усаживается на стул.

Не пора ли вам наконец уйти? Честно говоря, с меня довольно.

РИТА. Чего довольно, Фрэнк?

ФРЭНК. Вас, милочка, вас...

РИТА. Хотите, я скажу, что вас так раздражает, мистер Поэт-неудачник, оплакивающий собственную судьбу? Вы не можете примириться с тем, что я стала другой, что я выросла. Неужели, Фрэнк, все дело в том, что вы больше не можете изображать из себя доброго дядюшку, который нянчится с несмышленишкой, в то время как, тот, развесив уши, ловит каждое его слово? Да, я изменилась, я знаю все то, что знаете вы, и именно это вас не устраивает, – вы бы предпочли, чтобы я так и оставалась той дурочкой, какой была когда-то; вы ничем не отличаетесь от остальных – тех, кто хотел бы, чтобы мы всю жизнь прожили в невежестве – потому, что тогда мы кажемся всем такими смешными и забавными, не так ли? Вы больше не нужны мне, Фрэнк.

Встает, собирает свои вещи и направляется к двери.

Моя комната битком забита книгами. И я знаю, во что одеться, какое купить вино, что смотреть в театре, какие читать книги и газеты. Я вполне могу без вас обойтись.

ФРЭНК. И больше вам ничего не надо? Неужели только ради этой малости вы проделали такой длинный путь?

РИТА. Вам это представляется малостью? Ну да, для вас это действительно малость – потому, что вы все принимаете как должное и, упустив все шансы, которые дала вам жизнь, научились лишь надо всем издеваться и все презирать.

ФРЭНК. А вы, Рита, стало быть, наконец-то поняли, что такое культура? И наверное, полагаете, что те песни, что вы поете сейчас, лучше прежних? Ошибаетесь – это всего лишь другие песни, вот и все – однако в вашем исполнении они звучат слишком шумно, и слишком назойливо – а за этим пустота, и чужая мелодия... Ах, Рита, Рита...

РИТА. Вы сказали: Рита?

С м е е т с я .

Да кроме вас никто больше не называет меня Ритой. Я давно отказалась от этой мерзкой претенциозной клички – как только поняла, как она звучит на самом деле. Вы, идиот... Никто больше не называет меня Ритой.

ФРЭНК. И кто же вы теперь будете? Может быть, Вирджиния?

РИТА выходит.

Или Шарлотта? Джейн? Эмилия?

З а т е м н е н и е .

Картина шестая

ФРЭНК разговаривает по телефону, облокотившись на полки с книгами.

ФРЭНК. Да... Кажется, она там работает... Рита Уайт... Нет, нет... А, ну извините... Как вы сказали? Ах, Сьюзен Уайт? Больше не работает? Большое спасибо... Спасибо...

Свет постепенно гаснет. Когда освещается снова, мы понимаем, что прошло несколько часов. Теперь ФРЭНК сидит за своим столом, спиной к зрительному залу. Он снова разговаривает по телефону. На этот раз он пьян.

Да... Это... Простите, вас зовут Триш?.. Видите ли, это говорит один знакомый Риты... Знакомый Риты... Ну да, я и хотел сказать: Сьюзен... Да... Вы не могли бы ей передать, что... ну, это... Это Фрэнк... Ее преподаватель... Да, я... Пожалуйста, скажите ей, что она включена в список допущенных к экзамену... Я просто боюсь, что она не знает точно, когда и куда ей надо прийти... Вы не попросите ее заглянуть ко мне?.. Да, пожалуйста... Совершенно верно... Спасибо...

З а т е м н е н и е .

Картина седьмая

Входит РИТА, кутающаяся в красивое, до пят, зимнее пальто. Закуривает сигарету, подходит к бюро, на котором стоит много рождественских открыток, ставит свою рядом. Бросает конверт, в котором лежала открытка, в корзину для мусора и, открыв дверь, сталкивается с Фрэнком, держащим в каждой руке по большой коробке. От неожиданности он несколько смущается, роняет одну из коробок, однако быстро приходит в себя и входит в комнату. РИТА выходит в коридор и возвращается со второй коробкой.

ФРЭНК берет стоящий около письменного стола стул, передвигает его к книжным полкам, влезает на него и начинает снимать с полок книги, аккуратно складывая их в принесенные коробки. РИТА наблюдает за его действиями, однако он продолжает заниматься своим делом, не обращая на нее никакого внимания.

РИТА. Счастливого Рождества, Фрэнк. Ну что, все-таки вас уволили?

ФРЭНК. Не совсем.

РИТА. Ну, а зачем тогда вы укладываете книги, если не совсем?

ФРЭНК. Уезжаю в Австралию.

Пауза.

Это было решено еще несколько недель тому назад – уже и отпраздновали.

РИТА. Так что, вы все-таки грабанули университетскую кассу, Фрэнк?

ФРЭНК. Ну, в каком-то смысле. Так сказать, метафорически. А коль скоро только метафорически, то и приговор был смягчен до двухлетней ссылки в Австралию. Хотя едва ли его можно счесть слишком уж мягким...

РИТА. А что сказала Джулия?

ФРЭНК. Пожелала мне счастливого пути.

РИТА. Так она с вами не едет?

ФРЭНК качает головой. РИТА помогает ему снимать с полок книги и укладывать их в коробки.

Ну, и что же вы собираетесь делать дальше?

ФРЭНК. Ничего особенного. Австралия – это сущий рай для таких, как я.

РИТА. Да ладно уж, Фрэнк...

ФРЭНК. Точно вам говорю. Вы разве не знаете, что австралийцы называли свой любимый сорт пива именем одного весьма известного писателя. Пиво марки «Форстер». Естественно, что Форстера они при этом пишут неправильно – примерно так, как вы когда-то.

РИТА. Хватит шуток!

ФРЭНК. Ради всего святого, Рита, зачем вы пришли?

РИТА. Я пришла, чтобы сказать вам, Фрэнк, что вы хороший учитель.

Пауза.

Спасибо, что записали меня в список экзаменуемых.

ФРЭНК. Ерунда. Я же знаю, как много это теперь для вас значит.

РИТА усаживается на маленький столик, ФРЭНК продолжает снимать книги с верхних полок.

РИТА. Вы ведь не хотели, чтобы я сдавала экзамены, не так ли, Фрэнк? Вы бы предпочли, чтобы я просто написала: «Ответы на все вопросы знает только Фрэнк», – правда? И я была почти готова поступить именно так. Когда нам сказали «Начали» и все заскрипели ручками, я продолжала сидеть, не двигаясь, глядя на первый вопрос. Знаете, Фрэнк, что это был за вопрос? «Какие способы преодоления трудностей, связанных с постановкой «Пер Гюнта», вы можете предложить?»

ФРЭНК спускается со стула, садится и продолжает упаковывать книги.

ФРЭНК. Ну, этот вопрос не должен был вызвать у вас сомнений.

РИТА. Вызвал, как это не странно. Я долго сидела, смотрела на лист бумаги, лежавший передо мной, и думала о том, что вы когда-то мне сказали. Я пыталась отогнать от себя эти воспоминания, убедить себя, что вы были не правы. Вы считаете, что ничего не дали мне, ничего для меня не сделали. Вы уверены, что все свелось к тому, что я выучила кучу цитат и «пустых фраз». Что ж, я их действительно выучила. Но в том не было вашей вины – виной была жажда познания, которую я испытывала тогда. Я так хотела утолить ее, что не была способна ни о чем задумываться, ни в чем сомневаться. Я же сказала вам, что была ужасно глупа. Это как с Триш, моей подружкой, я всегда считала ее крайне рассудительной, даже флегматичной – а вчера, пришла домой, и застала ее за попыткой покончить с собой, она хотела повеситься. Невероятно, не так ли? Оказалось, что половину своей жизни она старательно потребляет калории, витамины, и все такое, а вторую столь же последовательно посвящает попыткам самоубийства.

Пауза.

И вот я сидела, смотрела на лежавший передо мной вопрос о «Пер Гюнте» и просто думала. А потом взяла ручку и начала писать.

ФРЭНК. И вы написали: «Я бы поставила его на радио»?

РИТА. Да, можно было этим ограничиться. И вы бы мной ужасно гордились, когда я прибежала бы к вам, чтобы обо всем рассказать, – не так ли, Фрэнк? Но я предпочла не делать этого. Я сделала свой выбор сама. И я выдержала этот экзамен.

ФРЭНК. Да, я знаю. Вы получили высокий балл.

РИТА. Да, получила. Хотя, быть может, в этом нет никакого смысла. Но в тот момент у меня был выбор. И я сделала его, сделала сама. У меня был этот выбор, благодаря тому, что дали мне вы, Фрэнк. И, чтобы сказать вам об этом, я и пришла сегодня. Сказать, что вы настоящий учитель.

ФРЭНК (перестав возиться с книгами и глядя на Риту). Знаете – хм – я слышал про Австралию много хорошего. Говорят, сейчас там все только начинается. А почему бы вам – ну, не поехать со мной? Мне кажется, нам обоим будет полезно уехать отсюда, где все в прошлом, и переехать туда, где есть будущее.

РИТА. Мне кажется, это называется «покидать тонущий корабль»?

ФРЭНК. Пусть так. Неужели вы действительно думаете, что в нашей власти не дать этому кораблю затонуть окончательно?

РИТА смотрит сначала на Фрэнка, затем на опустевшие полки.

РИТА (увидев пустые бутылки из-под виски). Ничего себе, Фрэнк, мне кажется, что если бы на дне каждой бутылки лежало по трехпенсовику, вы бы могли купить всю Австралию с потрохами.

ФРЭНК (улыбаясь). Уклоняетесь от ответа на поставленный перед вами вопрос, Рита.

РИТА (пересаживаясь на коробку с книгами). Знаю. Тайгер предложил мне поехать с ним и его командой – во Францию.

ФРЭНК. И что вы решили?

РИТА. Пока ничего. Я не очень-то ему верю, честно говоря. Но я никогда не была во Франции. А мама пригласила меня на Рождество к себе.

ФРЭНК. И что же вы выберете?

РИТА. Я, действительно, еще не решила. Может, поеду во Францию. А может, отправлюсь погостить у мамы. А может, решу завести ребенка. Я не знаю. Но я обязательно приму какое-нибудь решение. Я должна выбрать что-то. Только пока не знаю, что.

ФРЭНК извлекает из-за книг какой-то пакет.

ФРЭНК. Что бы вы не решили, прошу вас, возьмите вот это...

РИТА. А что там?

ФРЭНК (протягивая ей пакет). Это – ну, как вам сказать – ну, в общем это платье. Я купил его тысячу лет назад для – ну, для одной моей знакомой – одной образованной женщины...

РИТА извлекает платье из пакета.

Не знаю, подойдет ли размер, честно говоря, я мало что в этом понимаю...

РИТА. Вы сказали: для образованной женщины, Фрэнк? По-вашему, образованные женщины носят платья с таким декольте?

ФРЭНК. Ну, когда я его покупал, я, наверное, сделал больший акцент на слове «женщина», чем на слове «образованная».

РИТА. Я все время только брала от вас, Фрэнк, и ничего не отдавала.

ФРЭНК. Ну, это неправда, вы ведь...

РИТА. Это правда. Я просто никогда не знала, что я могу для вас сделать. Теперь мне кажется, я знаю. Ну-ка, Фрэнк, идите сюда...

ФРЭНК. Что вы еще придумали?

РИТА. Давайте, давайте...

Придвигает стул.

Прошу вас, вот сюда.

ФРЭНК совершенно сбит с толку.

Вот так, садитесь...

ФРЭНК покорно садится, РИТА извлекает из ящика стола ножницы и щелкает ими над головой Фрэнка.

Сейчас я сделаю вас на десять лет моложе...

РИТА наклоняется над ним и начинает его стричь. Когда она приближается к уху, ФРЭНК начинает жалобно кричать.

З а т е м н е н и е .

З а н а в е с

Уважаемые российские и зарубежные коллеги!

Бюро «Герольд» напоминает руководителям театров и будущим постановщикам, что по «Закону об авторском праве», действующему на территории Российской Федерации, необходимо ДО НАЧАЛА РАБОТЫ над пьесой получить у Автора, (его

представителя) разрешение на постановку или приобрести лицензию. Защита авторских прав осуществляется международными Законами и Законом Российской Федерации об авторских правах.

Бюро «Герольд», Москва, тел. (095) 1960250
fax. (095), 196-5866